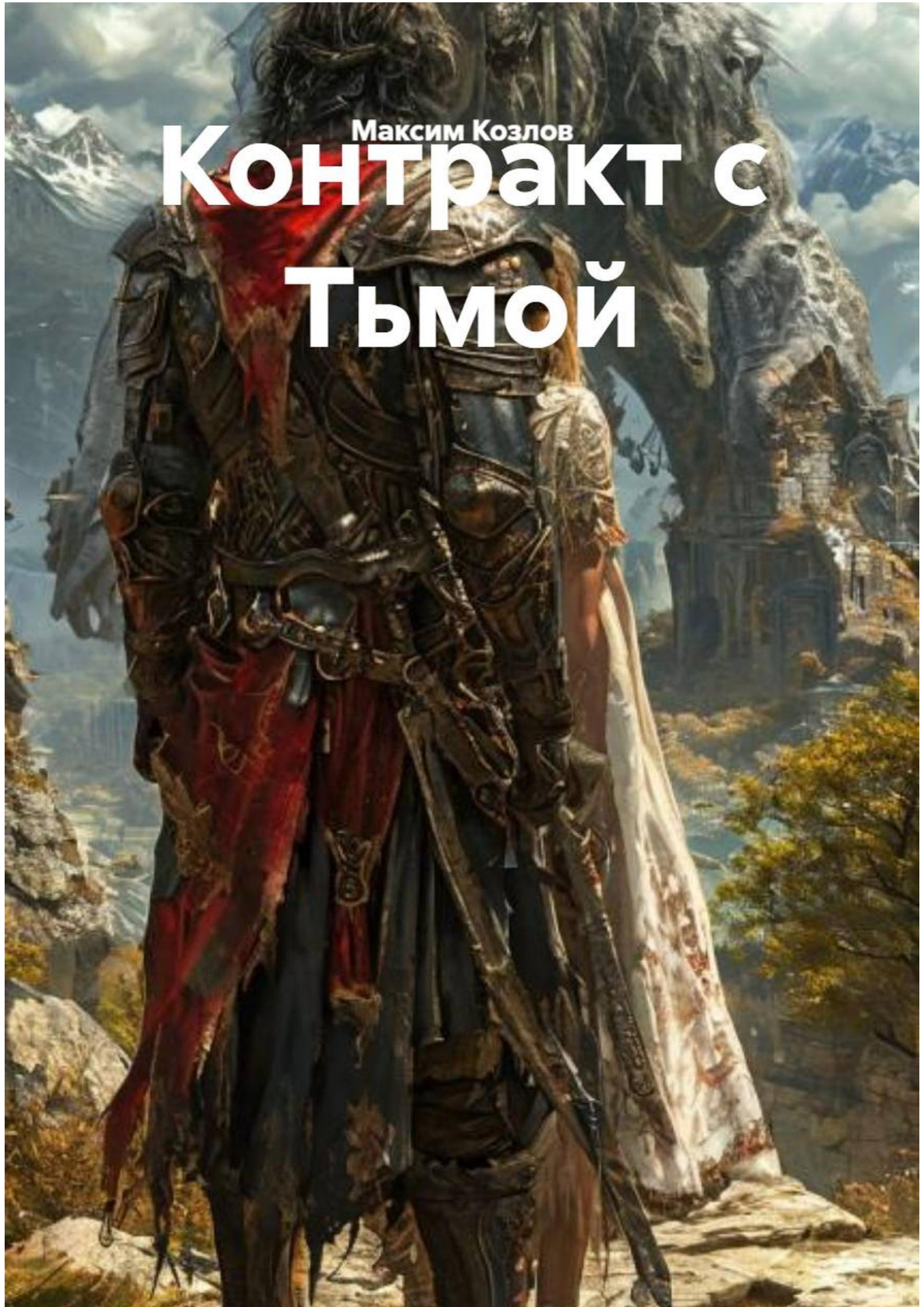

Максим Козлов

Контракт с Тьмой

Максим Козлов
Контракт с Тьмой

«Автор»

2026

Козлов М.

Контракт с Тьмой / М. Козлов — «Автор», 2026

Тысячу лет люди платят страшную дань. Раз в сто лет они отдают богам Избранную — девушку, которую приносят в жертву богу Смерти, чтобы он не уничтожил королевство. Циничный наемник Астарион не верит в жертвы. Он подменяет собой очередную Избранную, чтобы проникнуть в обитель бога и украсть артефакт, способный вернуть человечеству свободу. Но вместо чудовища он встречает пленницу — девушку, которую боги заперли у Врат тысячу лет назад и заставили убивать, чтобы спасти мир. Их брак по Контракту становится началом чего-то большего, чем война. Вместе им предстоит найти третий путь — между ненавистью и прощением, между тьмой и светом, между смертью и жизнью. Путь, который изменит всё.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тот, кто приходит за платой	5
Глава 2. Белое платье	17
Глава 3. Обитель	26
Глава 4. Стены помнят	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Контракт с Тьмой

Глава 1. Тот, кто приходит за платой

Город назывался Альдмер. Он был старым. Стены его помнили времена, когда люди еще не научились проигрывать.

Астарион сидел в таверне у западных ворот. Таверна называлась «Последний приют». Название было шуткой. Все приюты здесь были последними.

Он пил пиво. Пиво было теплым и горьким. Такое пиво не пьют ради удовольствия. Его пьют, чтобы помнить, что ты еще жив и что жизнь эта — горькая и теплая — все еще твоя.

За соседним столом говорили.

— Герцог отдал младшую, — сказал купец в сером. Голос у него был тихий, как у человека, который привык говорить о ценах на зерно, а не о цене человеческой жизни. — Красивая девка. Светлая. Глаза голубые.

— Все они голубые, когда их везут к Вратам, — ответил его спутник. Он был тощий, с лицом, похожим на старый пергамент. — Голубые от страха.

Астарион допил пиво. Он поставил кружку на стол. Кружка была глиняная, с трещиной. Он посмотрел на трещину. Трещина шла от края к доньшку, как дорога, по которой идут только в одну сторону.

Он встал. За столом наемников, его людей, стало тихо. Их было четверо. Он оставил остальных в лагере. Четверо — это достаточно для разговора. Больше — для драки. Драка здесь была не нужна. Пока.

— Ты идешь? — спросил Карс. Карс был большим. Шея его была толщиной с бедро обычного человека. Глаза маленькие, как у свиньи, но умные. Карс был опасен не силой, а тем, что никогда не спешил.

— Иду, — сказал Астарион.

Он вышел на улицу. Город готовился к ночи. Факелы на стенах зажигали редко — масло стоило дорого. Люди жались к домам, как мыши, которые чувят кота. Кот был большой. Кота звали Контракт.

Сто лет назад люди проиграли войну. Боги пришли с неба, и небо сторело. Потом боги ушли. Остался один. Его называли по-разному. Жнец. Теневой Владыка. Князь Тишины. Но чаще всего — просто Тот, Кто Приходит.

Он приходил раз в сто лет. Он забирал девушку. Самую чистую. Самую светлую. Самую красивую. Он забирал ее в свою обитель, и сто лет люди жили спокойно. Потом цикл повторялся.

Люди называли это Контрактом. Астарион называл это торгом. Торгом, где люди продавали своих детей за право еще немного подышать.

Он прошел через площадь. На площади стоял помост. Он был пуст. Но через сорок два дня здесь снова соберется толпа. Будет музыка. Будут цветы. Будет плакать герцог Альбани, который отдает свою дочь, чтобы сохранить свое герцогство. Люди будут бросать лепестки под ноги повозке, которая повезет девушку к Вратам. Лепестки будут розовые. Кровь на снегу тоже розовая, если снег свежий. Астарион это знал. Он видел кровь на снегу. Много раз.

Он свернул в переулок. Переулок был узкий. Стены домов почти смыкались над головой. Здесь пахло мочой и смертью. Смерть здесь была не та, что приходит раз в сто лет. Здесь она приходила каждую ночь. С ножом или веревкой. Иногда просто с голодом.

Астарион остановился у двери. Дверь была низкая, обитая железом, проржавевшим насквозь. Он постучал. Три раза. Коротко. Потом два. Длинно.

Дверь открылась.

Внутри было темно. Темнота пахла ладаном и сушеными травами. Это была темнота тех, кто умеет ждать.

— Ты пришел, — сказал голос из темноты. Голос был старый. Не старый, как вино. Старый, как кость, которую грызут собаки.

— Ты звал, — ответил Астарион.

Он вошел. Дверь за ним закрылась.

Комната была пустой. Почти пустой. В углу стоял стол. На столе — свеча. Свеча не горела. За столом сидел человек. Лица его было не разглядеть. Только руки. Руки были белые, тонкие, как корни деревьев, которые растут в темноте и никогда не видят солнца.

— Садись, — сказал старик.

Астарион не сел. Он прислонился к стене. Стена была холодной. Это было хорошо. Холод помогал думать.

— Говори, — сказал Астарион.

Старик усмехнулся. Усмешка была сухая, как шорох бумаги.

— Ты всегда был нетерпелив. Даже когда был мальчишкой. Помнишь ту деревню?

Астарион промолчал. Он помнил. Он помнил все. Огонь. Крики. Священников в белых балахонах, которые смотрели, как горит его дом. Они смотрели и улыбались. Они говорили, что огонь очищает. Огонь очистил все. Кроме ненависти.

— Я не за тем тебя позвал, чтобы ворошить прошлое, — сказал старик. — Я позвал тебя, чтобы предложить дело.

— Дела стоят денег, — сказал Астарион.

— Это дело стоит больше, чем деньги.

Старик протянул руку. На ладони его лежал камень. Камень был черный, с красными прожилками, которые пульсировали, как жилы. Астарион не взял его. Он смотрел.

— Что это?

— Ключ, — сказал старик. — Ключ к Вратам.

Астарион замер. В комнате стало тихо. Тишина была плотная, как вода на глубине. Он слышал свое сердце. Оно билось ровно. Он не позволял ему биться быстрее. Никогда.

— Врата открываются раз в сто лет, — сказал он. — Только в день Контракта. Только для одной. Для Избранной.

— Для Избранной, — кивнул старик. — Или для того, кто войдет вместо нее.

Астарион посмотрел на камень. Красные прожилки пульсировали сильнее. Камень был живым. Или казался живым. В этом мире трудно было отличить одно от другого.

— Ты хочешь, чтобы я пошел туда, — сказал Астарион. Это был не вопрос.

— Я хочу, чтобы ты украл то, что принадлежит нам. Людям.

— Что там?

Старик помолчал. Потом заговорил. Голос его стал тише. Тише, чем шепот. Тише, чем мысли.

— Когда боги уходили, они забрали все. Власть. Силу. Свободу. Но одна вещь осталась. Артефакт. Он называется Сердце Мира. Он хранится в обители Того, Кто Приходит. С ним мы сможем дать бой. С ним мы сможем победить.

— Победить, — повторил Астарион. Слово было горьким. Горьче, чем пиво в «Последнем приюте». — Люди пытались победить. Сто лет назад. Тысячу лет назад. Война была проиграна. Боги сильнее.

— Боги, — усмехнулся старик. Усмешка была злая. — Тот, Кто Приходит, не бог. Он — тюремщик. Он стоит у Врат, потому что ему приказали стоять. Но за ним есть кто-то еще. Кто-то древнее. Кто-то страшнее. И этот кто-то — настоящая проблема. Но сначала — Сердце. Ты достанешь Сердце. Остальное — потом.

Астарион смотрел на камень. Он думал. Он думал о том, сколько это будет стоить. Не в золоте. В крови. Его крови. Крови его людей. Он думал о том, что шансов нет. Он всегда думал о шансах. Шанс был один к тысяче. Может быть, к десяти тысячам.

Он подумал о девушке. О той, которую повезут к Вратам через сорок два дня. Светлые волосы. Глаза голубые. Она будет плакать. Они всегда плачут. Иногда тихо. Иногда громко. Но всегда. Потому что знают: то, что ждет их за Вратами, хуже смерти.

Он вспомнил другую девушку. Давно. В другой жизни. Она тоже была светлая. Глаза голубые. Она не плакала. Она смотрела на огонь, который пожирал ее дом, и молчала. Потом священники увели ее. Он больше никогда ее не видел.

— Я возьму это дело, — сказал Астарион.

Старик кивнул. Он положил камень на стол. Камень засветился. Красные прожилки стали ярче. В комнате запахло озоном — запахом грозы, которая никогда не приходит.

— Сорок два дня, — сказал старик. — У тебя есть сорок два дня, чтобы подготовиться. В день Контракта ты должен быть на месте. Ты войдешь в повозку вместо нее. Камень откроет Врата. После этого ты сам.

— Как я найду Сердце?

— Ты почувствуешь. Оно зовет. Всех зовет. Но слышат только те, кто умеет слушать.

— А если я не вернусь?

Старик посмотрел на него. В темноте Астарион наконец разглядел его глаза. Они были белые. Совсем белые. Без зрачков. Глаза человека, который видел то, что нельзя увидеть, и остался жив. Почти жив.

— Если ты не вернешься, никто не вернется. И через сто лет придет другой. И еще через сто. И так, пока от людей не останется только память. А память — плохой хозяин. Она не греет. Не кормит. Не защищает.

Астарион взял камень. Камень был теплым. Теплее, чем человеческая кожа. Теплее, чем кровь. Он спрятал его в кошель на поясе. Кошель был кожаный, старый, с выцветшей вышивкой. Вышивка изображала волка. Волк был его знаком. Он выбрал его сам, когда ему было двенадцать. Волк, который не воет на луну. Волк, который идет по следу.

Он повернулся к двери.

— Постой, — сказал старик.

Астарион остановился.

— Есть еще кое-что, — сказал старик. — То, что ты должен знать. Тот, Кто Приходит... он не чудовище. Не в том смысле, как ты думаешь. Он — пленник. Как и мы. Как и все, кто живет в этом мире.

— Мне все равно, — сказал Астарион.

— Должно быть. Потому что если ты пойдешь туда с ненавистью, ты проиграешь. Ненависть делает нас слепыми. А слепым там не место.

Астарион не ответил. Он открыл дверь и вышел.

Ночь была холодной. Небо было чистым. Звезды висели низко, как капли ртути. Астарион посмотрел на них. Под этими звездами он убивал. Под этими звездами он терял. Под этими звездами он научился не верить никому, кроме себя.

Он пошел обратно к таверне. Ноги несли его сами. Он думал. Он думал о камне. О Сердце Мира. О Вратах, которые откроются через сорок два дня. Он думал о девушке, которую спасти не собирался. Он шел не ради нее. Он шел ради себя. Ради ненависти, которая жгла его изнутри уже двадцать лет.

Он подошел к таверне. За столом все так же сидели его люди. Карс пил пиво. Двое других — близнецы Бран и Брен — играли в кости. Четвертый — парень по имени Эрик, самый молодой в отряде, — спал, положив голову на стол.

— Есть работа, — сказал Астарион, садясь.

Карс поднял глаза. Он ничего не спросил. Он ждал. Карс умел ждать. Это было его главное умение. Ждать и не спешить.

— Сорок два дня, — сказал Астарион. — Потом мы идем к Вратам.

— К Вратам? — спросил Бран. Он оторвался от игры. Кости застыли в его руке. — Ты спятил? Туда идут только мертвые и Избранные.

— Мы пойдем как сопровождение, — сказал Астарион. — Нас нанимает герцог. Охранять повозку до Врат.

— С каких пор герцог нанимает наемников? — спросил Брен. — У него своя стража. Белая гвардия. Лучшие воины королевства.

— Белая гвардия будет охранять церемонию, — сказал Астарион. — А мы будем охранять дорогу. Дорога длинная. На ней всякое бывает. Разбойники. Твари из Пустоши. Мало ли.

— И сколько платят? — спросил Карс.

— Достаточно, — сказал Астарион. Он не сказал, что платить будут не золотом. Он не сказал, что герцог не нанимал их. Он не сказал, что они пойдут не рядом с повозкой, а внутри. Он не сказал правду. Правда была тяжелой. Правду говорят перед смертью. Или после. Он скажет потом. Или никогда.

— Я с тобой, — сказал Карс. Он поднял кружку и допил пиво.

— Я тоже, — сказал Бран.

— И я, — сказал Брен.

Эрик проснулся. Он протер глаза. Ему было девятнадцать. Он был быстрым и ловким, но слишком молодым, чтобы понимать, что такое страх. Или слишком старым. Астарион не мог решить.

— Куда идем? — спросил Эрик.

— К Вратам, — сказал Астарион.

Эрик улыбнулся. Улыбка была светлая, как у девушки, которую повезут к Вратам через сорок два дня.

— Звучит как приключение, — сказал он.

— Звучит как смерть, — сказал Карс.

Они замолчали. В таверне было тихо. Даже хозяин перестал греметь посудой. Тишина была плотная. В ней можно было утонуть.

Астарион поднялся. Он бросил на стол монету. Монета была серебряная, с профилем короля, который умер сто лет назад. Король был молодой и красивый. Он тоже верил, что можно победить богов. Его голова все еще висела на воротах старой столицы. Череп белел на солнце, и птицы вили гнезда в глазницах.

— Отдыхайте, — сказал Астарион. — Завтра начинаем подготовку.

Он вышел. Ночь стала еще холоднее. Звезды начали тускнеть. На востоке занималась заря. Она была бледная, как лицо умирающего.

Астарион пошел к конюшне. Его конь ждал его. Конь был черный, старый, с белым пятном на лбу. Астарион назвал его Тень. Тень была единственным существом, которому он доверял. Потому что Тень ничего не обещала. Тень просто шла за ним. Куда бы он ни пошел. Даже к Вратам.

Он вывел коня. Седлать его не стал. Он вскочил на спину и поехал к лагерю. Лагерь стоял за городскими стенами, у подножия холма. Там ждали остальные. Семеро наемников. Семеро тех, кто продал свои мечи тому, кто больше платит. Сейчас больше всех платила ненависть. Ненависть и надежда. Странная смесь. Смесь, которая взрывается.

Он ехал медленно. Дорога была пустой. По обеим сторонам тянулись поля. Поля были пусты. Никто не сеял. Никто не жал. Люди боялись выходить за стены. За стенами начиналась Пустошь. Пустошь была тем местом, где боги показали свою силу. Земля там была мертвой.

Трава не росла. Вода отравлена. А по ночам там бродили твари — те, кто остался после войны. Те, кого люди называли Осколками.

Астарион знал Пустошь. Он там вырос. Он научился убивать Осколков раньше, чем научился читать. Читать его учил старый жрец, который прятался в лесу. Жрец говорил, что знание — это оружие. Жрец ошибался. Знание — это груз. Иногда он тяжелее, чем любой меч.

Он подъехал к лагерю. Костер горел. Вокруг костра спали люди. Он не стал их будить. Он привязал Тень к дереву, сел у огня и достал камень.

Камень пульсировал. Красные прожилки светились в темноте, как угли. Астарион смотрел на него. Он думал о том, что сказал старик. «Тот, Кто Приходит — не чудовище». Чушь. Все боги — чудовища. Они сожгли его дом. Они убили его семью. Они сделали этот мир тюрьмой. И теперь они хотят, чтобы он пожалел одного из них.

Он сжал камень в кулаке. Камень был горячим. Он жег кожу. Астарион не разжал руку. Боль была знакомая. Боль была честная. Боль не лжет. Боль говорит: ты жив. Ты еще жив. И пока ты жив, ты можешь бороться.

Он сидел у костра до рассвета. Когда небо на востоке стало розовым, он встал. Он разбудил людей.

— Подъем, — сказал он. Голос его был жестким, как лезвие. — У нас есть работа.

Люди зашевелились. Они привыкли к такому пробуждению. Никто не жаловался. Никто не спрашивал, куда идти. Они просто вставали, брали свое оружие и смотрели на него. Ждали. Ждали слова.

— Сорок дней, — сказал Астарион. — Сорок дней мы готовимся. Тренировки каждый день. Без выходных. Без поблажек. Мы идем туда, откуда не возвращаются. И мы вернемся. Все. Я сказал — все. Это не обсуждается.

Он посмотрел на каждого. Карс — спокойствие и сила. Бран и Брен — скорость и хитрость. Эрик — молодость и огонь. Остальные — молчаливые тени, которые умеют убивать и не задавать вопросов.

— Я иду не за золотом, — сказал он. — Я иду за тем, что принадлежит нам. За нашей свободой. Вы можете уйти сейчас. Я не буду вас останавливать. Не буду преследовать. Я даю вам слово.

Никто не ушел. Он знал, что никто не уйдет. Эти люди были с ним уже три года. Они прошли через Пустошь, через горы, через подземелья, где жили твари древнее богов. Они знали, кто он. Они знали, что он не бросает слов на ветер. И они знали, что если он сказал «вернемся», значит, так и будет. Или он умрет, пытаясь сделать это.

— Тогда начинаем, — сказал Астарион.

Сорок дней. Сорок дней, чтобы превратить наемников в то, что сможет войти в обитель бога Смерти и выйти оттуда живым. Это было невозможно. Но Астарион не верил в невозможное. Он верил в расчет. Расчет говорил: шанс есть. Мизерный. Но есть.

Он начал тренировки на рассвете. Бег. Бой с тенью. Бой друг с другом. Бой с ним. Он не щадил никого. Он бил жестко, больно, до крови. Он заставлял их учиться терпеть боль. Потому что боль — это единственное, что не убивает. Убивает страх. А страх — это то, что заставляет руку дрогнуть в последний момент.

На пятый день пришло известие. Герцог Альбани объявил имя Избранной. Ее звали Лиана. Ей было девятнадцать лет. Ее портрет развесили на стенах города. Астарион проходил мимо одного из таких портретов. Девушка на портрете была красивой. Светлые волосы. Глаза голубые. Улыбка светлая. Она улыбалась так, как улыбаются люди, которые не знают, что их ждет.

Он остановился. Он смотрел на портрет. Он думал о другой девушке. О той, которую увели священники. Она тоже улыбалась. До того как пришел огонь. После огня она не улыбалась. Она молчала. И смотрела.

— Красивая, — сказал Карс, подходя сзади.

— Красивая, — согласился Астарион.

— Жалко.

— Жалеть — тратить время.

— Ты прав, — сказал Карс. — Время дороже.

Они пошли дальше. Астарион считал шаги. Тысяча двести от портрета до лагеря. Он запомнил это число. Он запоминал все числа. Они помогали ему не думать о другом. О том, что улыбка на портрете будет последней. О том, что через тридцать семь дней эта девушка войдет в повозку. О том, что вместо нее войдет он.

Он думал о том, как это сделает. Как подменит Избранную. У него был план. Грубый, но работающий. В день церемонии он проникнет в покои герцога. Он усыпит стражу. Он наденет платье. Он сядет в повозку. Камень откроет Врата. И он войдет.

Он не думал о том, что будет после. Не думал о боге Смерти. Не думал о том, как будет красть Сердце. Он не думал об этом, потому что если начать думать, можно сойти с ума. Он делал то, что делал всегда: шел вперед. Шаг за шагом. Удар за ударом. Смерть за смертью.

На десятый день приехал гонец от старика. Гонец был мальчишка, лет четырнадцати, с глазами старой собаки. Он передал свиток. На свитке была карта. Карта обители. Астарион смотрел на нее. Она была странной. Комнаты переходили одна в другую. Коридоры закручивались спиралью. В центре была пустота. Там было Сердце.

— Это все? — спросил он.

— Хозяин сказал, что больше не знает, — ответил мальчишка. — Никто не знает. Там все меняется. Комнаты движутся. Коридоры дышат. Обитель живая.

— Живая, — повторил Астарион.

— Хозяин сказал передать: не верь глазам. Верь чутью. И не смотри в пустоту. Если согласишься, она посмотрит в ответ.

Мальчишка ушел. Астарион остался с картой. Он изучал ее. Он запоминал каждый коридор. Каждый поворот. Он учил карту наизусть, как учил когда-то буквы. Буквы он забыл. Карту не забудет.

Дни шли. Тренировки становились жестче. Он гонял людей до изнеможения. Они падали в грязь, вставали, снова падали. Он не давал им отдыха. Он знал: то, что ждет их там, хуже, чем любая тренировка.

На двадцатый день Эрик сломал руку. Астарион вправил кость сам. Эрик не кричал. Он стиснул зубы и молчал. Когда Астарион наложил шину, Эрик спросил:

— Я смогу идти?

— Сможешь, — сказал Астарион. — У тебя есть двадцать два дня, чтобы зажить.

— А если не заживет?

— Заживет. Я сказал.

Эрик кивнул. Он верил. Он верил, потому что Астарион никогда не ошибался. Потому что Астарион всегда знал, что делать. Потому что Астарион был тем, кто ведет. И ведет туда, где можно выжить. Или умереть. Но умереть не зря.

На двадцать пятый день пришел приказ от герцога. Наемникам было разрешено сопровождать повозку. Плата — пятьсот золотых. Астарион прочитал приказ и усмехнулся. Пятьсот золотых за жизнь дочери герцога. Дешево. Очень дешево.

— Мы приняты, — сказал он Карсу.

— Хорошо, — сказал Карс. — Это упрощает дело.

— Упрощает, — согласился Астарион. Но он знал, что ничего не упрощает. Самое сложное будет впереди. Когда повозка остановится у Врат. Когда все отвернутся. Когда он войдет туда, откуда нет возврата.

На тридцатый день он пошел в город. Он купил платье. Платье было белое, с длинными рукавами и высоким воротником. Такие платья носили Избранные. Он купил его в лавке, которая торговала траурными одеждами. Платье было единственным в своем роде. Продавец сказал, что его шили для прошлой Избранной. Она не надела его. Она умерла по дороге к Вратам. От страха. Сердце не выдержало.

Астарион взял платье. Он заплатил три серебряника. Он завернул платье в мешковину и понес в лагерь. Люди смотрели на него. Он не обращал внимания. Он думал о том, как будет надевать это платье. Как будет поправлять кружева. Как будет сидеть в повозке, глядя на толпу, которая провожает его к Вратам.

Он думал о том, что никто не узнает. Никто. Даже его люди. Он скажет им правду в последний момент. Или не скажет. Он еще не решил.

На тридцать пятый день он стоял у костра и смотрел на огонь. Огонь был живой. Он двигался, менялся, дышал. Как обитель. Как мир. Как все, что создано из хаоса и праха.

— Ты боишься? — спросил Карс. Он сидел напротив, чистил свой меч. Меч был широкий, тяжелый, с выщербленным лезвием. Этим мечом Карс убил больше людей, чем чума.

— Нет, — сказал Астарион.

— Врешь, — сказал Карс. Он не поднял глаз. Он продолжал чистить меч. — Я знаю тебя семь лет. Ты боишься только одного. Того, что не сможешь довести дело до конца.

Астарион молчал. Он смотрел на огонь. Огонь шептал. Он всегда шепчет. Он говорит на языке, который понимают только те, кто смотрел, как горит их дом.

— Я доведу, — сказал он.

— Знаю, — сказал Карс. — Поэтому я с тобой.

Они замолчали. Костер трещал. Звезды мерцали. Где-то в Пустоши выл волк. Или Осколок. Иногда их трудно отличить.

На тридцать восьмой день Астарион сказал своим людям правду.

Они сидели у костра. Все десять. Десять наемников, которые пошли за ним через огонь и воду. Он смотрел на их лица. Лица были разные. Но во всех было одно — доверие. Доверие, которое он не заслужил. Которое он взял, потому что ему нужно было идти. Идти вперед. К Вратам.

— Я не буду охранять повозку, — сказал он. — Я буду в повозке. Вместо нее.

Тишина. Тишина была такая, что слышно было, как угли падают в костер.

— Ты спятил, — сказал Бран. Он встал. Его лицо было белым в свете костра. — Ты хочешь войти в обитель. К богу Смерти. Один.

— Не один, — сказал Астарион. — Вы пойдете со мной. Как охрана. Но охранять вы будете не повозку. Вы будете охранять путь. Обратный путь.

— Обратного пути нет, — сказал Брен. Голос его был тихим. Тихим, как у человека, который понял, что идет на смерть.

— Будет, — сказал Астарион. — Я найду его. Я найду Сердце. Я вынесу его. А вы будете ждать у Врат. Когда Врата откроются, вы пойдете внутрь. Вы прикроете меня. И мы выйдем. Все.

— А если ты не найдешь Сердце? — спросил Эрик. Его рука была загипсована. Но он уже мог двигать пальцами. Заживало. Как и обещал Астарион.

— Найду.

— А если не выйдешь?

— Выйду.

Он сказал это так спокойно, так уверенно, что они поверили. Потому что всегда верили. Потому что он никогда не подводил. Потому что он был тем, кто ведет. И кто возвращается.

Карс молчал. Он смотрел на Астариона. Потом он сказал:

— Я пойду с тобой. В обитель. Не буду ждать у Врат.

— Нет, — сказал Астарион. — Ты будешь ждать. Если я не вернусь, ты уведешь людей. Ты будешь командиром.

— Я не хочу быть командиром.

— Я не спрашиваю, хочешь ты или нет. Я приказываю.

Карс посмотрел на него. Долго. Потом кивнул. Один раз. Коротко. Как кивают, когда принимают смертный приговор.

Астарион поднялся. Он обошел костер. Он посмотрел на каждого. На Брана и Брена — близнецов, которые родились в день Контракта и которых мать назвала в честь бога Смерти, потому что других имен не осталось. На Эрика — мальчишку, который пришел к нему босым, с одним ножом и мечтой стать героем. На Карса — великана, который был тише воды, ниже травы, но который мог убить медведя голыми руками. На остальных — теней, у которых не было имен, только клички и шрамы.

— Сорок два дня, — сказал он. — Через четыре дня мы идем. Готовьтесь.

Он ушел в темноту. Он шел в Пустошь. Ему нужно было побыть одному. Нужно было вспомнить. Все. Каждую деталь. Каждую боль. Каждую потерю.

Он шел и считал шаги. Тысяча. Две тысячи. Три. Земля становилась мертвой. Трава исчезла. Песок стал серым, как пепел. Здесь когда-то прошел бог. Прошел и убил все. Все, что могло расти. Все, что могло дышать.

Он остановился. Он поднял камень. Камень был черный, гладкий, как обсидиан. Он бросил его в темноту. Камень упал. Звука не было. Темнота проглотила его.

Он стоял в Пустоши. Он смотрел на Врата. Они были далеко. Но он знал, что они там. Две черные створки, вделанные в скалу. За ними — обитель. За ними — бог Смерти. За ними — Сердце Мира.

Он сжал кулаки. В кулаке была ненависть. Холодная, чистая, как лезвие. Ненависть к богам. К тем, кто сжег его дом. К тем, кто убил его семью. К тем, кто превратил мир в клетку.

Он разжал кулак. Ненависть осталась. Она всегда оставалась. Она была частью его. Как руки. Как сердце. Как умение считать шаги и не бояться смерти.

Он повернулся и пошел обратно к лагерю.

Через четыре дня он наденет белое платье. Через четыре дня он сядет в повозку. Через четыре дня Врата откроются.

И он войдет.

Астарион шел и считал шаги. Один. Два. Три.

Он считал, чтобы не думать о том, что сказал старик.

«Тот, Кто Приходит, не чудовище».

Четыре. Пять. Шесть.

Он считал, чтобы не вспоминать глаза девушки с портрета.

Семь. Восемь. Девять.

Он считал, чтобы не слышать голос, который шептал из камня.

Десять.

Камень в кошеле пульсировал в такт его сердцу.

Одиннадцать.

Или это сердце билось в такт камню.

Он не знал. Он не хотел знать.

Он просто шел вперед. Шаг за шагом. Удар за ударом. Смерть за смертью.

К Вратам.

К богу Смерти.

К той, кто ждала его там сто лет.

Или тысячу.

Он не знал.

Но он шел.
И он не собирался останавливаться.
Никогда.
Даже когда Врата закроются за его спиной.
Даже когда свет погаснет.
Даже когда останется только тьма.
Он будет идти.
Потому что идти — это единственное, что он умел.
Единственное, что он не умел — проигрывать.
Он не проиграл тогда, когда горел его дом.
Он не проиграл ни разу за двадцать лет.
Не проиграет и сейчас.
Он шел.
Ночь была холодной.
Звезды тускнели.
На востоке занималась заря.
Четвертый день.
Последний день перед тем, как все изменится.
Астарион Сильверхель, капитан наемников, человек без прошлого и без будущего, шел к своему контракту.
Контракту с Тьмой.
Он улыбнулся. Улыбка была жесткой, как шрам.
Он любил такие контракты.
В них всегда можно было выиграть.
Или умереть.
Но умереть — это тоже выиграть.
Потому что умереть — значит перестать бояться.
А он перестал бояться давно.
Там, в огне.
Когда сгорел его дом.
И его сердце сгорело вместе с ним.
Теперь в его груди был камень.
Холодный. Черный. Пульсирующий.
Камень, который вел его к Вратам.
Камень, который станет ключом.
Или могильным камнем.
Он не знал.
Он не хотел знать.
Он просто шел.
И считал шаги.
Тысяча двести тринадцать.
Тысяча двести четырнадцать.
Тысяча двести пятнадцать.
Вдалеке завыл волк.
Или Осколок.
Астарион не обернулся.
Он шел вперед.
К лагерю.
К своим людям.

К заре.
К последнему дню.
К Вратам.
К Тьме.
И в этой Тьме его ждала та, кого люди называли богиней Смерти.
Но старик сказал: она не богиня.
Она пленница.
Астарион не верил.
Он не верил никому.
Кроме себя.
И своего счета.
Шаг за шагом.
Удар за ударом.
Смерть за смертью.
Сорок второй день наступит завтра.
А сегодня он шел.
И шел.
Пока лагерь не показался впереди.
Пока костер не стал виден.
Пока люди не поднялись ему навстречу.
— Командир, — сказал Карс. — Ты долго.
— Я вернулся, — сказал Астарион.
Он сел у костра. Он протянул руки к огню. Огонь был теплым. Он напоминал о доме. О том, что было. О том, что сгорело.
Завтра он войдет в обитель.
Завтра он встретится с Тьмой.
Завтра он украдет Сердце Мира.
Или умрет.
Но сегодня он сидел у костра.
Сегодня он был жив.
Сегодня он был человеком.
Последним человеком, который решил бросить вызов богам.
Или последним дураком.
Он не знал.
Он не хотел знать.
Он просто сидел и смотрел на огонь.
И ждал завтрашнего дня.
Который никогда не наступит.
Или наступит.
И станет последним.
Или первым.
Он не знал.
Он не хотел знать.
Он просто ждал.
И считал.
Удары сердца.
Тлеющие угли.
Минуты до рассвета.
Сорок второй день.

Контракт.
Тьма.
Он был готов.
Или нет.
Но это уже не имело значения.
Потому что назад дороги не было.
Никогда не было.
С того самого дня, когда сгорел его дом.
Когда он дал себе клятву.
Клятву, которую не слышал никто.
Клятву, которую он не нарушит никогда.
Даже если придется пройти через Врата.
Даже если придется встретиться с самим богом Смерти.
Даже если придется умереть.
Он выполнит свою клятву.
Он вернет людям свободу.
Или умрет, пытаясь.
Но сегодня он сидел у костра.
Сегодня он был жив.
Сегодня он был просто человеком.
Человеком, который смотрит на огонь и вспоминает.
Вспоминает то, что было.
То, что сгорело.
То, что никогда не вернется.
Угли догорали.
Небо на востоке светлело.
Сорок второй день наступал.
Астарион встал.
Он посмотрел на своих людей.
— Сегодня, — сказал он.
— Сегодня, — ответил Карс.
Они не сказали больше ничего.
Ничего не нужно было говорить.
Все слова были сказаны давно.
В других кострах.
В других ночах.
В других жизнях.
Сейчас было время действовать.
Сейчас было время идти.
К Вратам.
К Тьме.
К свободе.
Или к смерти.
Астарион поднял руку.
Люди встали.
Они взяли оружие.
Они посмотрели на него.
— Вперед, — сказал он.
И они пошли.

В последний день.
К последней битве.
К последней надежде.
К Контракту с Тьмой.

Глава 2. Белое платье

Город проснулся серым.

Небо над Альдмером было тяжелым, как свинец. Оно висело низко, давило на шпили соборов и черепичные крыши, превращая утро в сумерки. Так бывает перед грозой, но гроза не пришла. Гроза была в другом месте. Она ждала у Врат.

Астарион стоял у окна в комнате, которую снял для него старик. Комната была маленькой, с низким потолком и одним окном, выходящим на задворки. Здесь пахло плесенью и сушеными травами. Пахло так, как пахнет в домах, где живут люди, привыкшие ждать. Ждать смерти. Ждать Контракта. Ждать того, что нельзя изменить.

Он смотрел на улицу. Улица была пустой. Люди сидели по домам. Они всегда сидели по домам в день Контракта. День Контракта был праздником и трауром одновременно. Праздником, потому что сто лет безопасности начинались сегодня. Трауром, потому что цена за эту безопасность была слишком высока. Люди не выходили на улицы. Они не хотели видеть повозку. Не хотели видеть Избранную. Не хотели смотреть в глаза девочке, которую везут на смерть.

На площади собиралась толпа. Но это была не обычная толпа. Это были те, кто должен был присутствовать. Священники. Вельможи. Стражники. Те, у кого не было выбора. Те, чьи лица были каменными, как статуи. Они стояли на площади, и дождь моросил над ними, делая их мундиры темными, а лица — серыми.

Астарион отвернулся от окна.

На кровати лежало платье. Белое, с длинными рукавами и высоким воротником. Оно было разложено аккуратно, как тело на столе для бальзамирования. Рядом — фата. Тонкая, почти прозрачная, с вышитыми серебряными нитями цветами. Цветы были лилиями. Лилии — цветы смерти. Их сажали на могилах, чтобы душа умершего могла найти дорогу к небу. Или к богам. Или в никуда.

Он смотрел на платье. Оно было слишком маленьким. Женским. Белым. Белый цвет был цветом Избранных. Цветом чистоты. Цветом жертвы.

Он подошел к столу. На столе стояла миска с водой. Вода была холодной. Он снял рубашку. На теле его были шрамы. Много шрамов. Старые, белые, как это платье. Новые, красные, еще не зажившие до конца. Он смотрел на них в зеркало. Зеркало было мутным, старым, оно искажало отражение, делало его чужим. Он был чужим для себя. Всегда. С того дня, когда сгорел дом.

Он умылся. Холодная вода обожгла лицо. Он не брился уже три дня. Щетина была жесткой, черной. Он смотрел на себя в зеркало. Он видел глаза. Серые, холодные, как небо над городом. Глаза человека, который убивал. Много раз. Глаза человека, который перестал спрашивать себя, правильно это или нет. Он просто делал. Делал то, что нужно. Что нужно для выживания. Что нужно для цели.

Сегодня цель была близко. Ближе, чем когда-либо.

Он начал одеваться.

Сначала нижняя рубашка. Тонкая, шелковая, взятая у старика. Она была слишком узкой в плечах. Он чувствовал, как ткань трещит по швам. Но это было неважно. Важно было то, что под ней — кинжал. Маленький, тонкий, из той же стали, что и его меч. Он примотал его к предплечью узкой полоской кожи. Кинжал был последним оружием. Тем, которое остается, когда все остальное потеряно.

Потом платье. Он надевал его медленно, как надевают доспех. Сначала руки. Ткань скользила по коже, холодная, гладкая. Потом через голову. Платье было тяжелым. Не весом — тяжестью. Оно пахло лавандой. Этим запахом пропитывали одежду мертвых, чтобы скрыть запах разложения. Или одежду живых, которые скоро станут мертвыми.

Он застегнул пуговицы. Пуговицы были перламутровые, с вырезанными на них крестами. Кресты были символом веры. Веры в то, что боги справедливы. Что жертва оправдана. Что смерть Избранной спасает миллионы. Он смотрел на эти кресты и думал о том, сколько девушек умерало каждые сто лет. Сто. Десять тысяч лет Контракта. Сто девушек. Сто жизней. Сто белых платьев.

Он затянул пояс. Пояс был узкий, кожаный, с серебряной пряжкой. Он затянул его туго, чтобы подчеркнуть талию. Талия была мужской. Он знал это. Он знал, что издалека, под фатой, это не будет заметно. Но если кто-то подойдет близко... Он надеялся, что никто не подойдет. В день Контракта никто не подходит близко к Избранной. Избранная — священна. К ней нельзя прикасаться. К ней нельзя приближаться. Она принадлежит богу.

Он сел на кровать. Осталось надеть фату. Он взял ее в руки. Фата была легкой, почти невесомой. Сквозь нее можно было видеть, но лица не было видно. Это было частью ритуала. Избранная должна идти к Вратам с закрытым лицом. Чтобы никто не видел ее слез. Чтобы никто не видел ее страха.

Он смотрел на фату. Он думал о той, кто должна была надеть ее сегодня. О девушке с портрета. Светлые волосы. Глаза голубые. Улыбка светлая. Сейчас она сидела в своих покоях. Она ждала. Она ждала, когда за ней придут. Когда ее выведут на площадь. Когда посадят в повозку. Когда повезут к Вратам.

Она знала, что ждет ее там. Все знали. Никто не говорил об этом вслух, но все знали. Бог Смерти забирает Избранную. Он делает с ней то, что хочет. Никто не знает, что именно. Никто не вернулся, чтобы рассказать. Но все знали, что это страшно. Страшнее, чем смерть. Страшнее, чем пытки. Страшнее, чем все, что могут придумать люди.

Астарион надел фату.

Мир стал белым. Белым и расплывчатым, как воспоминания. Он видел очертания предметов, но не детали. Видел свет из окна, но не мог разобрать, что за ним. Он был отделен от мира тонкой тканью. Как мертвый отделен от живых. Как Избранная отделена от людей.

Он встал. Он посмотрел на себя в зеркало. Из зеркала на него смотрела фигура в белом. Высокая, худощавая, с широкими плечами, которые не могло скрыть даже это платье. Лица не было видно. Только белая вуаль. Только темный силуэт за ней.

Он был готов.

В дверь постучали. Три раза. Коротко. Это был Карс.

— Входи, — сказал Астарион. Голос его был низким. Слишком низким для женщины. Он знал это. Но он не мог изменить свой голос. Он мог только говорить тихо. Шепотом. Так, чтобы никто не расслышал.

Дверь открылась. Карс вошел. Он был в парадной форме — черный мундир, серебряные нашивки, высокие сапоги. Он выглядел как настоящий стражник. Как телохранитель. Как тот, кто должен охранять Избранную по дороге к Вратам.

Он посмотрел на Астариона. Его лицо не изменилось. Вообще. Ни один мускул не дрогнул. Только глаза. Глаза стали темнее. Он смотрел на командира в белом платье, и в глазах его было что-то. Что-то, чего Астарион не мог разобрать. Страх. Уважение. Жалость. Все вместе. Или ничего.

— Пора, — сказал Карс.

— Идем, — сказал Астарион.

Он подошел к столу. На столе лежал камень. Камень был черный, с красными прожилками. Сейчас прожилки пульсировали быстро, часто, как сердце кролика, который чует лису. Он взял камень. Камень был горячим. Горячее, чем когда-либо. Он спрятал его в складках платья. Камень лег на грудь, прямо у сердца. Он пульсировал в такт сердцу. Или сердце билось в такт камню.

— Твои люди на месте? — спросил он.

— У западных ворот. Ждут.

— Они знают?

— Нет. Только я.

— Хорошо. Иди. Я выйду через заднюю дверь. Встретимся у Врат.

Карс кивнул. Он повернулся, чтобы уйти. На пороге он остановился. Не оборачиваясь, он сказал:

— Если ты не выйдешь... я пойду за тобой.

— Нет, — сказал Астарион. — Ты будешь ждать. Я сказал.

Карс молчал. Потом он вышел. Дверь закрылась.

Астарион остался один. Он стоял посреди комнаты, в белом платье, с камнем на груди, с кинжалом на руке. Он был готов. Или нет. Но выбора не было.

Он вышел.

Задняя дверь вела в переулок. Переулок был узким, грязным, с лужами, в которых отражалось серое небо. Здесь никого не было. Все сидели по домам. Все ждали. Ждали, когда повозка проедет по главной улице. Ждали, когда церемония закончится. Ждали, когда можно будет выдохнуть. Ждали, когда следующие сто лет можно будет жить спокойно.

Он пошел по переулку. Платье было длинным. Оно мешало идти. Он подобрал подол одной рукой. Это было неправильно. Избранная не подбирает подол. Избранная идет медленно, плавно, как по воде. Она не спешит. Она знает, что ее ждут. Знает, что никуда не деться.

Он шел быстро. Он не был Избранной. Он был наемником. Наемник не ждет. Наемник идет. Он шел к площади, но не по главной улице, а по задворкам. Он знал эти задворки. Он изучил их за сорок два дня. Каждый проход. Каждый тупик. Каждую дверь. Он знал, где можно пройти, а где нельзя. Где можно спрятаться, а где лучше не появляться.

Он шел и считал шаги. Триста до конца переулка. Потом поворот налево. Еще двести. Потом через арку. Еще сто пятьдесят.

На полпути он услышал шум. Гул толпы. Он доносился с площади. Там уже собрались люди. Там уже началась церемония. Священники читали молитвы. Вельможи стояли с каменными лицами. Стража замерла по стойке смирно. А Избранная... Избранная еще была в своих покоях. Она ждала. Ждала, когда за ней придут.

Он ускорил шаг. Ему нужно было успеть. Успеть до того, как слуги герцога войдут в ее комнату. Успеть до того, как они увидят, что она на месте. Успеть заменить ее.

План был простым. Он знал его наизусть, как карту обители. Сегодня утром, когда все будут готовиться к церемонии, он войдет в покои герцога. Он знал, где находится комната Избранной. Он изучил дворец за последнюю неделю. Каждый коридор. Каждую лестницу. Каждого стражника. Он знал, когда сменяется караул. Знал, где делают обход. Знал, где можно пройти, а где нельзя.

Он вошел во дворец через боковой вход. Вход был открыт. Он всегда был открыт — для слуг. Сегодня слуги были заняты. Они готовили церемонию. Они носили цветы, расставляли стулья, развешивали флаги. Никто не смотрел на высокую фигуру в белом. Никто не спрашивал, кто она. Все думали, что это одна из фрейлин. Одна из тех, кто готовит Избранную к выходу.

Он прошел по коридору. Коридор был длинным, с высокими окнами, выходящими во внутренний двор. На стенах висели портреты. Портреты герцогов Альбани. Они смотрели на него с полотен. Лица у них были надменные, жестокие. Они правили этим герцогством тысячу лет. Они отдавали своих дочерей богу Смерти. Каждые сто лет. Как скот на бойню.

Он поднялся по лестнице. Лестница была каменной, с широкими ступенями. Он поднимался медленно, стараясь не шуметь. Платье шуршало. Этот шум казался ему оглушительным. Он казался ему криком. Но вокруг никого не было. Все были на площади. Все ждали.

Он дошел до третьего этажа. Здесь были покои герцога. И покои его дочери. Он знал, где они. Он знал, что комната Избранной — в конце коридора. Что перед ее дверью стоят два стражника. Что они сменяются каждые два часа. Что смена была пятнадцать минут назад.

Он подошел к двери. Стражники стояли. Двое. Молодые, с бледными лицами. Они смотрели на него. Они видели фигуру в белом, с закрытым лицом. Они видели платье Избранной. Но они знали, что Избранная внутри. Они не могли знать, что это не она.

— Я пришла помочь госпоже, — сказал Астарион. Голос его был тихим, почти шепотом. Он старался говорить выше. Старался, чтобы голос не был таким низким. Это было трудно. Это было больно.

Стражники переглянулись. Они не знали, что делать. Один из них — тот, что слева, с рыжими усами, — сказал:

— Нам не говорили.

— Это личное распоряжение герцога, — сказал Астарион. Он говорил тихо, но твердо. Он говорил так, как говорят люди, привыкшие приказывать. — Госпожа не хочет готовиться одна. Она просила меня подготовить ее.

Стражники снова переглянулись. Рыжий пожал плечами. Он открыл дверь.

— Входите, — сказал он.

Астарион вошел.

Комната была большой. Светлой. С высокими окнами, выходящими на площадь. Из окон был виден помост, толпа, священники в белых одеждах. Толпа была серой, как небо. Священники — белыми, как его платье. А в центре, на помосте, стоял герцог Альбани. Он был высоким, седым, с лицом, которое ничего не выражало. Он смотрел на окна. Смотрел на комнату своей дочери. Ждал.

В комнате была она.

Девушка с портрета. Светлые волосы. Глаза голубые. Она сидела на кровати, в такой же белой рубашке, как та, что была на нем. Рубашка была тонкой, почти прозрачной. Она была босиком. Ее платье висело на спинке стула. Такое же белое, как его. С такой же фатой.

Она смотрела на него. Она не кричала. Не звала на помощь. Она просто смотрела. Глаза у нее были большие, голубые, как небо над Пустошью. В них был страх. Но не тот страх, который парализует. Тот страх, который заставляет смотреть. Который заставляет видеть.

— Кто вы? — спросила она. Голос у нее был тихий, но спокойный. Спокойнее, чем он ожидал.

Астарион закрыл дверь. Он снял фату. Он смотрел на нее. Она была маленькой. Худой. Ей было девятнадцать. Но она выглядела на шестнадцать. Она была ребенком. Ребенком, которого везут на смерть.

— Я тот, кто займет твое место, — сказал он.

Она не поняла. Он видел это. Она смотрела на его лицо. На его щетину. На его широкие плечи. На его руки — большие, грубые, со шрамами. Она смотрела и не понимала, как этот человек может занять ее место. Как этот мужчина в женском платье может стать Избранной.

— Я пойду к Вратам вместо тебя, — сказал он. — Ты спрячешься и будешь сидеть тихо. Ты никому не скажешь. Ты будешь молчать.

— Почему? — спросила она. В ее голосе не было страха. Был вопрос. Простой, человеческий вопрос. Почему? Почему незнакомый человек хочет умереть вместо нее?

— Потому что я не собираюсь умирать, — сказал Астарион. — Я иду туда не для того, чтобы умереть. Я иду туда, чтобы украсть то, что принадлежит людям. А ты будешь жить. Ты спрячешься здесь. После того как я уйду, ты наденешь мою одежду и выйдешь через заднюю дверь. Там тебя будет ждать человек. Он отведет тебя в безопасное место.

Она смотрела на него. Долго. Потом она сказала:

— Ты лжешь.

— Я не лгу, — сказал он.

— Ты лжешь, — повторила она. — Никто не идет к Вратам, чтобы вернуться. Никто не возвращался. Никогда.

— Я вернусь, — сказал Астарион. Он сказал это так, как говорят о том, что уже решено. Что не обсуждается. Что будет, потому что иначе нельзя.

Она покачала головой. Она встала. Она была босиком, в тонкой рубашке, и в этом была ее сила. В том, что она стояла перед ним, перед наемником, убийцей, человеком, который прошел через Пустошь, и не боялась. Или боялась, но не показывала.

— Я не могу позволить тебе это сделать, — сказала она. — Это мой долг. Мой Контракт. Я Избранная. Я должна идти.

— Твой долг — жить, — сказал Астарион. — Контракт — это сделка. Сделка, которую люди заключили с богами. Но боги не держат свое слово. Они никогда не держали. Они взяли все, что могли, и отдали взамен только страх. Я иду туда, чтобы разорвать эту сделку. Раз и навсегда.

Она смотрела на него. Глаза ее были голубыми, чистыми. В них не было страха. Только печаль. Глубокая, старая печаль. Печаль тех, кто родился, чтобы умереть. Печаль тех, кто знает, что выхода нет.

— Ты не вернешься, — сказала она.

— Вернусь, — сказал он.

Он подошел к стулу. Он взял ее платье. Он положил его на кровать. Потом он начал снимать свое. Платье было тяжелым, мокрым от пота. Он снял его и бросил на пол. Остался в одной рубашке, с кинжалом на руке.

— Надевай, — сказал он, указывая на ее платье. — И прячься. У тебя мало времени.

Она не двигалась. Она смотрела на него. Смотрела на его руки. На шрамы. На кинжал. На камень, который висел у него на груди. Камень пульсировал красным. Он пульсировал в такт его сердцу. Или в такт ее.

— Что это? — спросила она.

— Ключ, — сказал он. — Ключ к Вратам. Он откроет их для меня. Для тебя он не откроется. Ты просто пройдешь мимо. Ты уйдешь. И будешь жить.

Она покачала головой. Она подошла к нему. Близко. Так близко, что он чувствовал ее запах. Запах цветов. Запах молодости. Запах смерти, который уже был на ней, как его камень — на нем.

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Если я не пойду... если Врата не откроются... он придет. Бог Смерти. Он придет сам. И тогда не будет Контракта. Не будет ста лет мира. Будет только смерть. Смерть для всех.

Астарион смотрел на нее. Он знал это. Он знал, что если Врата не откроются в назначенный час, бог Смерти выйдет сам. И тогда никто не будет в безопасности. Никто. Но он также знал, что Врата откроются. Камень откроет их. Неважно, кто войдет. Важно, что Врата откроются. А он войдет. И сделает то, что должен.

— Врата откроются, — сказал он. — Я войду. Контракт будет соблюден. А ты будешь жить.

— Но ты...

— Я сделаю то, что должен, — повторил он. — А ты сделай то, что должна. Живи. Это единственное, что мы можем сделать. Жить. И бороться. Каждый по-своему.

Она смотрела на него. Долго. Потом она кивнула. Медленно. Как кивают, когда принимают то, что нельзя изменить. Как кивают, когда прощаются.

Она начала одеваться.

Он отвернулся. Он смотрел в окно. На площади было много людей. Больше, чем он думал. Толпа выросла. Люди стояли плотно, плечом к плечу, и все смотрели на помост. Герцог

стоял на помосте. Рядом с ним — священники. За ними — Белая гвардия. Все ждали. Ждали, когда появится Избранная.

— Ты готов? — спросила она.

Он обернулся. Она стояла в его одежде. Рубашка была ей велика. Она висела на ней, как на вешалке. Но она была одета. Она была готова.

— Давай, — сказал он. — Задняя дверь. Там тебя будет ждать человек в сером плаще. Он скажет: «Сорок два дня». Ты ответишь: «Сорок три». Он отведет тебя в безопасное место.

Она кивнула. Она подошла к шкафу у двери. На пороге она остановилась. Она обернулась.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Неважно, — сказал он.

— Важно, — сказала она. — Если ты умрешь... я хочу знать имя того, кто умер вместо меня.

— Я не умру, — сказал он. — Я сказал.

Она смотрела на него. В глазах ее были слезы. Она не плакала. Слезы просто стояли в глазах, делая их еще более голубыми. Как небо после дождя.

— Астарион, — сказал он. — Меня зовут Астарион.

Она кивнула. Она улыбнулась. Улыбка была светлая. Светлая, как ее волосы. Светлая, как платье, которое он надевал.

— Я буду молиться за тебя, Астарион, — сказала она.

— Не надо, — сказал он. — Боги не слушают. Им все равно.

Она ничего не сказала. Она открыла дверь и зашла. Дверь закрылась.

Астарион остался один.

Он стоял в комнате Избранной. На полу лежало его платье. Он поднял его. Оно было мокрым от пота, мятым, но это было неважно. Он надел его снова. Быстро. Ловко. Как надевают доспех перед боем. Он застегнул пуговицы. Затянул пояс. Надел фату.

Мир снова стал белым.

Он посмотрел в окно. Толпа ждала. Герцог ждал. Священники ждали. Все ждали. Ждали его.

Он взял камень. Камень пульсировал. Сильнее, чем когда-либо. Он чувствовал его тепло через ткань платья. Он чувствовал его биение. Оно сливалось с биением его сердца. Оно становилось им.

Он подошел к двери. Он открыл ее. Стражники все еще стояли. Они смотрели на него. Теперь они видели Избранную. В белом платье. С закрытым лицом. Они не знали, что под фатой — мужчина. Они не знали, что настоящая Избранная еще там. Они не знали ничего. Они знали только свой долг. Стоять. Молчать. Смотреть.

— Я готова, — сказал Астарион. Голос его был тихим. Тихим, как шепот. Тихим, как смерть.

Стражники кивнули. Они пошли вперед. Он пошел за ними.

Коридор был длинным. Стены были белыми. Портреты смотрели на него. Герцоги Альбани. Тысяча лет. Сто девушек. Сто белых платьев. Сто смертей. Он шел по этому коридору, и ему казалось, что он идет по реке времени. По реке крови. По реке слез.

Они спустились по лестнице. Лестница была широкой, парадной. По обеим сторонам стояли слуги. Они кланялись. Они не смотрели на Избранную. Они боялись смотреть. Они боялись увидеть ее лицо. Увидеть ее страх. Увидеть то, что они сами чувствовали.

Он вышел на площадь.

Свет ударил в глаза. Даже сквозь фату. Серый, тяжелый свет. Небо было низким. Тучи висели прямо над головами. Дождь моросил. Мелкий, холодный дождь. Он падал на фату, на платье, на руки. Руки были белыми. Белыми, как платье. Белыми, как лицо мертвеца.

Толпа замерла. Все смотрели на него. Тысячи глаз. Тысячи лиц. Серые, бледные, испуганные. Они смотрели на Избранную. На ту, которая умрет ради них. Которая спасет их. Которая принесет им сто лет жизни.

Он шел к помосту. Медленно. Плавно. Как учила его старуха, которую нанял старик. Старуха когда-то была фрейлиной. Она знала, как ходят Избранные. Она учила его сорок дней. Учила, как держать спину. Как ставить ноги. Как опускать голову. Он делал все, как она учила. Он делал это хорошо. Он всегда делал все хорошо.

Он поднялся на помост. Герцог стоял рядом. Он смотрел на него. Глаза герцога были красными. Он плакал. Или делал вид, что плачет. Астарион не знал. Ему было все равно. Он смотрел на герцога и думал о том, что этот человек отдал свою дочь. Отдал, чтобы сохранить власть. Отдал, как отдавали его предки. Сто раз. Тысячу лет.

— Дочь моя, — сказал герцог. Голос его дрожал. — Ты спасаешь нас. Ты спасаешь всех. Ты — свет во тьме. Ты — надежда.

Астарион молчал. Он не мог говорить. Голос выдал бы его. Он просто стоял, опустив голову, и ждал.

Священник подошел к нему. Старый, с белой бородой, в тяжелых ризах. Он поднял руки к небу.

— Боги! — закричал он. — Примите нашу жертву! Примите Избранную! Даруйте нам мир! Даруйте нам жизнь! Даруйте нам еще сто лет!

Толпа повторяла за ним. Тысячи голосов. Тысячи молитв. Тысячи лиц, обращенных к небу. Небо молчало. Боги не отвечали. Боги никогда не отвечали.

Церемония была долгой. Молитвы. Песнопения. Цветы. Герцог говорил речь. Священники говорили речи. Вельможи говорили речи. Все говорили. Все плакали. Все смотрели на него. На Избранную. На ту, которая умрет.

Астарион стоял и ждал. Он ждал, когда все закончится. Когда его посадят в повозку. Когда повезут к Вратам. Когда он сможет действовать.

Наконец церемония закончилась. Двое стражников подошли к нему. Они взяли его под руки. Они повели его к повозке. Повозка была белой. Белой, как его платье. Белой, как цветы на могилах. Ее везли два белых коня. Коней украшали серебряные ленты и белые розы.

Он сел в повозку. Сиденье было жестким, деревянным. Обивки не было. Избранной не нужно удобство. Избранной нужно только доехать до Врат.

Стражники закрыли дверцу. Повозка тронулась.

Он смотрел сквозь фату на город. Город уходил назад. Улицы были пустыми. Люди стояли у окон. Они смотрели на повозку. Они не махали. Не кричали. Они просто смотрели. Смотрели, как увозят Избранную. Как увозят их надежду. Как увозят их страх.

Повозка ехала медленно. Коней не погоняли. У них было время. Дорога к Вратам занимала полдня. Полдня, чтобы проехать через город, через предместья, через Пустошь. Полдня, чтобы проститься с жизнью.

Астарион сидел в повозке. Он чувствовал камень на груди. Камень пульсировал. Быстро. Сильно. Он пульсировал в такт его сердцу. Или в такт чему-то другому. Чему-то, что ждало впереди.

Он думал о девушке. О Лиане. Она была в безопасности. Она шла сейчас по задворкам, в его одежде, к человеку в сером плаще. Она будет жить. Она будет жить, потому что он занял ее место. Потому что он решил идти к Вратам. Потому что он был тем, кто идет.

Он думал о камне. О Сердце Мира. О том, что ждет его в обители. О боге Смерти. О том, что старик сказал: «Он не чудовище». Он не верил. Он не мог верить. Он видел, что сделали боги. Видел сожженные деревни. Видел мертвую землю. Видел Осколков, которые бродили по Пустоши и убивали все живое. Боги были чудовищами. Все. Без исключения.

Повозка выехала за городские стены. Стены были высокими, старыми. На них стояли стражники. Они смотрели на повозку. Они отдавали честь. Они отдавали честь смерти. Они отдавали честь тому, что увозят от них.

Дорога пошла через поля. Поля были пустыми. Земля была серой. Ничего не росло. Ничего не жило. Это была граница. Граница между миром людей и Пустошью. Граница, за которой начиналось царство смерти.

Он ехал. Час. Два. Три. Дорога становилась хуже. Колеса увязали в песке. Коням было тяжело. Они шли медленно, с опущенными головами. Они чувствовали, куда идут. Они чувствовали смерть.

На четвертом часу он увидел своих людей. Они стояли у дороги. Карс впереди. За ним — остальные. Десять человек. Десять наемников. Они были в парадной форме. Они смотрели на повозку. Они знали, что в повозке он. Они ждали его знака.

Повозка поравнялась с ними. Карс вышел на дорогу. Стражники, сопровождавшие повозку, остановились. Они смотрели на наемников. Их было десять. Стражников было двадцать. Но стражники были городские. Они не умели драться. Они умели только стоять и смотреть.

— Дальше мы пойдем с вами, — сказал Карс. — Приказ герцога.

Стражники переглянулись. Старший — седой, с нашивками капитана — подошел к Карсу.

— У меня нет такого приказа, — сказал он.

— Он придет, — сказал Карс. — А пока — мы идем. Это дорога через Пустошь. Вы знаете, что там бывает. Вам нужна охрана.

Капитан посмотрел на повозку. Потом на Карса. Потом на остальных наемников. У них были лица людей, которые умеют убивать. У стражников были лица людей, которые умеют только стоять.

— Хорошо, — сказал капитан. — Идите. Но держитесь позади.

Карс кивнул. Он посмотрел на повозку. Он посмотрел на Астариона сквозь фату. В глазах его было что-то. Что-то, что Астарион не мог разобрать. Страх. Уважение. Прощание.

Повозка тронулась дальше. Наемники шли сзади. Они шли молча. Они знали, что будет. Они знали, что в конце дороги — Врата. И что их командир войдет в них. Один. Без них.

Дорога шла через Пустошь. Земля была мертвой. Черной. Кое-где торчали обгоревшие деревья. Их ветви тянулись к небу, как руки утопающих. Ветер дул с востока. Он был холодным. Он пах пеплом. Он пах смертью.

Астарион сидел в повозке. Он смотрел на Пустошь. Он вырос здесь. Он знал каждую трещину в земле. Каждый камень. Каждый холмик, под которым лежали кости тех, кто не смог выжить. Он выжил. Он выжил, потому что научился быть сильным. Потому что научился не чувствовать. Потому что научился ненавидеть.

Он ехал. Час. Два. Пустошь тянулась бесконечно. Серое небо сливалось с серой землей. Мир был серым. Мир был мертвым. И в конце этого мира были Врата.

Он увидел их издалека. Две черные створки, вделанные в скалу. Они были огромными. Высотой с городскую стену. Они были гладкими, как стекло. На них не было узоров. Не было ручек. Только черный камень, который не отражал света. Который впитывал его, как смерть впитывает жизнь.

Повозка остановилась.

Астарион вышел. Ноги его затекли. Он стоял на серой земле и смотрел на Врата. Они были в ста шагах от него. Сто шагов. Сто шагов к смерти. Или к свободе. Он не знал.

Стражники остались на месте. Они не подходили ближе. Они боялись. Они всегда боялись Врат. Капитан подошел к нему. Он снял шлем. Лицо у него было старое, усталое.

— Избранная, — сказал он. — Мы должны идти с вами до конца.

— Нет, — сказал Астарион. Голос его был низким. Слишком низким. Капитан посмотрел на него. В глазах его было удивление. Потом страх. Он понял. Или не понял. Это не имело значения.

— Оставьте меня, — сказал Астарион. — Дальше я пойду одна.

Капитан хотел что-то сказать. Но не сказал. Он кивнул. Он повернулся и пошел назад. Стражники пошли за ним. Они уходили быстро. Они хотели уйти. Они хотели забыть. Они хотели вернуться в город, где есть стены, где есть безопасность, где есть сто лет мира.

Астарион остался один. Своих людей он отослал назад вместе со стражниками, когда повозка остановилась в Пустоши. Они ждали у границы. Они ждали его возвращения. Если он вернется. Если нет — они уйдут. Карс уведет их. Карс выполнит приказ.

Он стоял перед Вратами. Он снял фату. Он бросил ее на землю. Фата упала на серую землю, как упавший снег. Белое на сером. Жизнь на смерти.

Он достал камень. Камень пульсировал. Красные прожилки горели ярко, как угли. Он поднял его перед собой. Камень засветился. Свет был красным. Красным, как кровь. Красным, как его ненависть.

Врата открылись.

Без звука. Без скрежета. Просто — открылись. Как открывается глаз. Как открывается рот. Как открывается пасть.

За Вратами была тьма. Густая, черная, непроглядная. Она была живой. Она дышала. Она ждала.

Астарион вошел.

Тьма сомкнулась за ним.

Он стоял в темноте. Он не видел ничего. Не слышал ничего. Только камень на груди пульсировал. Только сердце билось в такт камню.

Он сделал шаг. Потом другой. Третий.

Он шел. Он шел во тьме. Он шел к богу Смерти. Он шел к Сердцу Мира. Он шел к тому, что изменит все.

Или убьет его.

Но это не имело значения.

Он был готов.

Он всегда был готов.

С того дня, когда сгорел его дом.

С того дня, когда он дал себе клятву.

Клятву, которую он выполнит.

Даже если для этого нужно пройти через Врата.

Даже если для этого нужно стать Избранной.

Даже если для этого нужно умереть.

Он шел.

Тьма вокруг него дышала.

И в этой тьме кто-то ждал.

Кто-то, кого люди называли богом Смерти.

Кто-то, кто был пленником.

Кто-то, кто ждал его сто лет.

Или тысячу.

Астарион шел навстречу своей судьбе.

Шел навстречу Тьме.

Шел навстречу Контракту.

Который только начинался.

Глава 3. Обитель

Тьма была живой.

Астарион знал это, потому что она дышала. Вдох — и стены сжимались, воздух становился плотным, как вода на глубине. Выдох — и пространство расширялось, оставляя пустоту, в которой эхо его шагов умирало, не родившись. Он шел в этом дыхании уже долго. Или не долго. Здесь время текло иначе. Оно сгущалось, растягивалось, ломалось, как свет в кривом зеркале.

Он шел вперед, потому что назад дороги не было. Врата закрылись за ним, как только он вошел. Он не слышал звука. Он просто обернулся и увидел стену. Гладкую, черную, без швов. Врата исчезли. Будто их никогда не было.

Он шел. Двадцать шагов. Сорок. Сто. Он не знал. Он шел по коридору. Или это был не коридор. Пространство вокруг него менялось. Иногда стены были близко, так близко, что он касался их плечами. Иногда они уходили в бесконечность, и он шел по пустоте, где не было ни верха, ни низа, только чернота и тишина.

Тишина была громкой. Она звенела в ушах, давила на виски, заставляла сердце биться быстрее. Он слышал собственное дыхание. Оно было хриплым, тяжелым. Он слышал кровь. Она шумела в ушах, как море. Он слышал камень. Камень пульсировал. Пульсация была ритмичной, ровной. Она была единственным ритмом в этом мире, где все остальное застыло.

Он перестал считать шаги. Это было первое, что он потерял. Шаги. Потом он потерял ощущение собственного тела. Руки, ноги, лицо — все стало чужим, отдельным, существующим само по себе. Он чувствовал камень на груди. Камень был горячим. Он был единственной настоящей вещью в этом мире. Единственной точкой опоры.

Он остановился.

Он не знал, зачем остановился. Просто ноги перестали слушаться. Они стали тяжелыми, как свинец. Он стоял и смотрел во тьму. Он ничего не видел. Ничего. Глаза привыкли к темноте, но темнота была абсолютной. Она не была отсутствием света. Она была сущностью. Она была здесь, вокруг него, внутри него.

Он закрыл глаза. Когда он открыл их снова, мир изменился.

Впереди был свет.

Он был слабым, далеким. Он мерцал, как свеча на ветру. Но он был. Он был первым светом, который Астарион увидел после того, как вошел в Врата. Он пошел на свет. Он шел медленно, осторожно, готовый к тому, что свет может оказаться ловушкой. В этом мире все могло быть ловушкой.

Свет приближался. Он становился ярче. Он заливал коридор, делая стены видимыми. Стены были черными, гладкими, как обсидиан. На них не было трещин. Не было дверей. Не было ничего. Только черный камень, который блестел в свете, как мокрая кожа.

Он вышел в зал.

Зал был огромным. Он терялся во тьме где-то высоко. Сводов не было видно. Только чернота, которая нависала сверху, как небо без звезд. Пол был из того же черного камня, но на нем были рисунки. Тонкие, едва видимые линии, которые складывались в узоры. Астарион наклонился. Он провел рукой по полу. Линии были теплыми. Они пульсировали. Как камень. Как сердце.

В центре зала стоял трон.

Трон был сделан из костей. Астарион видел кости. Он знал их. Человеческие черепа, ребра, позвонки. Они были соединены в странном порядке, создавая форму, которая была и красивой, и ужасной одновременно. Кости были белыми, гладкими, отполированными временем. Или руками. Он не знал.

На троне никто не сидел.

Астарион стоял и смотрел на трон. Он ждал. Он ждал, что кто-то выйдет из темноты. Что бог Смерти появится перед ним. Что начнется бой. Или что-то другое. Он не знал, что должно было произойти. Он знал только, что он здесь. Что он вошел. Что он должен украсть Сердце.

Он сделал шаг к трону. Потом другой. Пол под ногами пульсировал. Рисунки светились слабым голубым светом. Свет шел из-под камня. Он был холодным. Холоднее, чем темнота.

Он дошел до трона. Он остановился. Он смотрел на кости. Они были человеческими. Тысячи костей. Может быть, сотни тысяч. Он думал о ста девушках, которые пришли сюда за тысячу лет. Сто. Это была капля в море. Здесь было больше. Гораздо больше.

Он поднял руку. Он хотел коснуться трона. Его рука замерла в воздухе. Он не мог пошевелить ей. Не мог опустить. Рука застыла, как каменная. Он попробовал другой рукой. Та же превратилась словно в камень.

Он стоял перед троном с поднятой рукой, как статуя. Он не мог двинуться. Не мог повернуть голову. Не мог моргнуть. Он был парализован. Полностью. Абсолютно.

Он слышал свое сердце. Оно билось. Ровно. Спокойно. Он не боялся. Он не мог бояться. Страх требует движения. А он не мог двинуться.

Он слышал шаги.

Шаги были тихими, легкими. Они шли по камню, но не издавали звука. Он слышал их не ушами. Он слышал их внутри. В костях. В крови.

Шаги приближались.

Они шли из темноты. Из-за трона. Там, где не было света. Там, где была только чернота.

Она вышла из темноты.

Он не увидел ее. Он почувствовал ее. Как чувствуют холод, когда открывается дверь в зимнюю ночь. Как чувствуют присутствие, когда ты один в комнате, но знаешь, что кто-то стоит за спиной.

Она обошла трон. Она встала перед ним.

Она была маленькой. Худой. Ее тело было обернуто в черную ткань, которая спадала с плеч, как вода. Ткань была тонкой, почти прозрачной. Он видел ее руки. Они были белыми. Белее, чем кости трона. Белее, чем его платье.

Она смотрела на него.

У нее были глаза. Большие, черные, без белков. Глаза, которые смотрели изнутри. Которые видели не то, что перед ними, а то, что внутри. Глубоко внутри. Там, где спрятаны страхи. Там, где спрятана боль.

Ее лицо было красивым. Красивым той красотой, которая не принадлежит живому миру. Острые скулы, тонкие губы, длинные волосы, черные, как ее глаза. Они падали на плечи, на руки, на черную ткань. Они сливались с тьмой. Они были частью тьмы.

Она подошла ближе. Так близко, что он чувствовал ее запах. Запах был странным. Она пахла ладаном. Пахла сухой землей. Пахла тем, что было до жизни. Пахла тем, что будет после.

Она подняла руку. Ее пальцы были длинными, тонкими. Они коснулись его лица.

Пальцы были холодными. Холоднее, чем лед. Холоднее, чем смерть. Он чувствовал этот холод на щеке. Он чувствовал, как он проникает в кожу. В мышцы. В кости.

— Ты не та, — сказала она.

Голос ее был тихим. Тихим, как шепот. Тихим, как ветер в Пустоши. Но он слышал его. Слышал внутри. В каждой клетке своего тела.

Она отняла руку. Она отошла на шаг. Она смотрела на него. В ее глазах не было удивления. Не было гнева. Только спокойствие. Спокойствие, которое было древнее, чем горы. Спокойствие, которое было глубже, чем океан.

— Ты мужчина, — сказала она. — Ты пришел вместо нее.

Он не мог говорить. Паралич держал его. Он не мог двинуть языком. Не мог открыть рот.

Она наклонила голову. Она смотрела на него, как смотрит зверь на незнакомую добычу. Без страха. Без голода. Просто смотрит.

— Ты пришел не для того, чтобы стать моим мужем, — сказала она. — Ты пришел для чего-то другого. Я чувствую это. Я чувствую в тебе... холод.

Она снова подошла. Она положила руку ему на грудь. Прямо на камень. Камень вспыхнул. Красный свет залил зал. Он был ярким, ослепительным. Он пульсировал в такт его сердцу. В такт ее пульсу. В такт чему-то третьему, что было глубже.

— Ключ, — сказала она. — У тебя есть ключ. Кто дал его тебе?

Она смотрела на него. Ждала. Она знала, что он не может говорить. Она ждала, потому что время для нее было другим. Она могла ждать вечность.

Паралич отпустил.

Это случилось внезапно. Его руки упали. Он сделал шаг назад. Он потянулся к кинжалу на руке. Он выхватил его. Движение было быстрым. Он делал его тысячи раз. В Пустоши. В подземельях. В драках, где секунда решала все.

Клинок блеснул в красном свете.

Она не двинулась. Она стояла, смотрела на него. В ее глазах не было страха. Не было удивления. Только спокойствие.

— Ты хочешь убить меня, — сказала она. Это не был вопрос.

— Я хочу Сердце, — сказал Астарион. Голос его был хриплым. Он не говорил долго. Или говорил. Он не знал. Время было потеряно.

Она улыбнулась. Улыбка была тонкой, едва заметной. Она не коснулась ее глаз. Глаза оставались черными, глубокими, спокойными.

— Сердце, — повторила она. — Ты пришел за Сердцем. Как и те, кто был до тебя.

— Никто не приходил до меня, — сказал он. — Только Избранные. Только девушки. Они приходили, чтобы умереть.

Она покачала головой. Медленно. Как качают головой, когда видят то, что другие не видят.

— Они приходили, чтобы стать частью меня, — сказала она. — Я забирала их. Их жизнь. Их силу. Их душу. Я забирала все. Это цена Контракта. Это цена, которую люди платят за свои сто лет.

— Ты чудовище, — сказал Астарион. Он сжал кинжал. Клинок был острым. Он резал сталь. Он резал камень. Он разрежет и ее. Если нужно.

Она посмотрела на кинжал. Потом на него. В ее глазах было что-то. Что-то, что он не мог понять. Что-то, что было похоже на жалость. Или на боль.

— Ты думаешь, что я чудовище, — сказала она. — Ты думаешь, что я богиня. Ты думаешь, что я выбрала эту жизнь. Эту тьму. Эту смерть.

Она подошла ближе. Он поднял кинжал. Она не остановилась. Она шла прямо на лезвие. Она шла, и он отступал. Шаг. Другой. Он отступал, пока его спина не уперлась в стену.

Она стояла перед ним. Кинжал был между ними. Острие упиралось ей в грудь. Она смотрела на него сверху вниз. Она была ниже. Но она смотрела сверху вниз.

— Ударь, — сказала она. — Если я чудовище — ударь. Если я богиня — ударь. Если я виновата в том, что происходит с людьми — ударь.

Он не ударил. Он не мог. Не потому, что боялся. Не потому, что жалел. Потому что его рука снова перестала слушаться. Она застыла. Кинжал застыл в воздухе, в дюйме от ее тела.

— Я не могу, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она.

Она взяла его руку. Она отвела кинжал в сторону. Ее пальцы были холодными. Но не такими холодными, как раньше. Они стали теплее. Или ему показалось.

— Ты пришел за Сердцем, — сказала она. — Я покажу тебе Сердце. Но ты не сможешь его взять.

— Смогу, — сказал он.

Она покачала головой.

— Сердце не вещь, — сказала она. — Сердце — это я. Сердце — это этот мир. Сердце — это Контракт. Чтобы взять его, ты должен убить меня. Но если ты убьешь меня, Контракт умрет вместе со мной. И тогда боги вернуться. Не я. Не та, кого вы называете богом Смерти. Другие. Те, кто настоящие. Те, кто послал меня сюда. Они вернуться. И тогда не будет Контракта. Не будет ста лет. Не будет ничего.

Он смотрел на нее. Он не знал, верить ли ей. Он не верил никому. Но в ее глазах была правда. Или то, что выглядело как правда. В этом мире он не мог быть уверен ни в чем.

— Кто ты? — спросил он.

Она отошла. Она прошла к трону. Она села на него. Кости скрипнули. Или не скрипнули. Он не был уверен.

— Я была человеком, — сказала она. — Давно. Так давно, что я забыла свое имя. Я была Избранной. Как те, кто пришел после меня. Я пришла сюда с ключом. Как ты. Я пришла, чтобы убить бога. Но бог был сильнее. Он не убил меня. Он сделал хуже. Он сделал меня собой. Он оставил меня здесь. Сторожить Врата. Собирать дань. Ждать. Ждать, когда придет тот, кто сможет меня освободить.

Она смотрела на него. В ее глазах что-то изменилось. Тьма стала глубже. Или светлее. Он не знал.

— Ты думал, что идешь на битву с чудовищем, — сказала она. — Ты думал, что украдешь Сердце и освободишь людей. Но ты пришел к пленнице. Как и я. Как и все, кто заперт в этом мире.

— Ты лжешь, — сказал он. Это было слабо. Он знал это. Он чувствовал, что она не лжет. Но он не мог принять правду. Правда была тяжелее, чем ложь.

— Я не лгу, — сказала она. — Я не умею лгать. Я забыла, как это делается. Здесь, в этой тьме, есть только правда. Правда и смерть.

Она встала с трона. Она пошла в темноту. Она не обернулась. Она не позвала его. Она просто шла.

— Идем, — сказала она. — Я покажу тебе Сердце. Ты увидишь. И тогда ты решишь. Убить меня или остаться. Или уйти. Но ты не сможешь уйти. Врата закрыты. Они откроются только через сто лет. Или раньше. Если я открою их. Если я захочу.

Он пошел за ней. У него не было выбора. Он шел за ней в темноту. Кинжал он спрятал. Кинжал не нужен был. Здесь. Сейчас. Он чувствовал это. Он чувствовал, что это место не для стали. Это место для чего-то другого. Для правды. Для боли. Для того, что он прятал двадцать лет.

Они шли по коридору. Коридор был узким, низким. Стены были влажными. Они блестяли в темноте, как кожа. Пахло сыростью. Пахло чем-то сладким. Чем-то, что он не мог узнать.

Она шла впереди. Ее черные волосы струились по спине. Они касались пола. Они были длинными. Длиннее, чем ее тело. Он смотрел на них. Он думал о том, сколько времени нужно, чтобы вырастить такие волосы. Сто лет. Тысячу. Вечность.

Она остановилась. Они стояли перед дверью. Дверь была маленькой, деревянной. Дерево было старым, потрескавшимся. На нем были символы. Символы, которые он не узнал. Они были древними. Древнее, чем этот мир. Древнее, чем боги.

— Там, — сказала она. — Сердце там.

Она открыла дверь.

За дверью была комната. Маленькая, круглая. В центре комнаты стоял алтарь. Алтарь был каменным, черным. На алтаре лежало сердце.

Оно было живым. Оно пульсировало. Медленно. Ритмично. Свет исходил из него. Голубой, холодный свет. Он заполнял комнату. Он делал стены прозрачными. Сквозь стены он видел другие комнаты. Другие коридоры. Другие залы. Весь этот мир был построен вокруг этого сердца. Вокруг этой пульсации. Вокруг этой жизни.

Астарион стоял на пороге. Он смотрел на сердце. Он чувствовал его. Оно звало его. Оно звало всех. Оно звало так сильно, что у него закружилась голова. Он сделал шаг. Потом другой. Он шел к сердцу. Он хотел коснуться его. Он хотел взять его. Оно принадлежало ему. Оно принадлежало людям. Оно было их.

— Не трогай, — сказала она.

Он остановился. Он не понимал. Он не понимал, почему нельзя. Сердце было здесь. Оно было рядом. Он мог взять его. Он мог уйти. Уйти отсюда. Уйти из этого мира. Уйти из этой тьмы.

— Посмотри, — сказала она. — Посмотри внимательно.

Он посмотрел. Он посмотрел на сердце. Он посмотрел сквозь него. За сердцем было что-то. Что-то, чего он не видел раньше. Что-то, что было за сердцем. За этим миром. За этой тьмой.

Там был свет.

Но это был не тот свет, который он знал. Это был свет, который жег. Который уничтожал. Который был больше, чем жизнь. Больше, чем смерть. Это был свет богов. Настоящих богов. Тех, кто создал этот мир. Тех, кто разрушил его. Тех, кто оставил ее здесь. Сторожить. Ждать. Умирать каждый день.

— Сердце — это дверь, — сказала она. — Дверь в их мир. Если ты возьмешь его, дверь откроется. Они войдут. И тогда все закончится. Не Контракт. Все. Люди. Мир. Все.

Он смотрел на свет. Он чувствовал его. Он чувствовал, как он жжет. Как он зовет. Как он обещает. Обещает власть. Обещает свободу. Обещает все. Но цена была высока. Цена была всем.

— Что же делать? — спросил он. Он не узнал свой голос. Он был тихим. Тихим, как у ребенка. Как у того мальчика, который смотрел, как горит его дом.

— Не знаю, — сказала она. — Я жду. Я жду сто лет. Тысячу лет. Я жду, когда придет кто-то, кто знает. Кто-то, кто может сделать то, что не могу я. Кто-то, кто может разорвать Контракт, не открывая дверь. Кто-то, кто может освободить меня. И себя. И всех.

Она смотрела на него. В ее глазах была надежда. Первая надежда, которую он увидел в этом мире. Она была слабой. Она была маленькой. Но она была.

— Может быть, это ты, — сказала она.

— Я не герой, — сказал он. — Я наемник. Я убийца. Я пришел украсть. Не спасать.

— Ты пришел, — сказала она. — Ты пришел вместо девушки. Ты пришел, зная, что не вернешься. Ты пришел, потому что кто-то должен был прийти. Это делает тебя героем. Или дураком. Я не знаю. Но ты здесь. И это важно.

Он отошел от алтаря. Он отошел от сердца. Он отошел от света, который жег. Он сел на пол. Пол был холодным. Холод помогал думать. Он всегда помогал.

— Расскажи мне, — сказал он. — Расскажи все. О войне. О богах. О Контракте. О том, что здесь происходит. Все.

Она села напротив него. Она села на пол, поджав ноги. Ее черное платье расплылось по камню, как тень. Она была частью этой тьмы. Но в глазах ее был свет. Слабый. Далекий. Но свет.

— Это началось давно, — сказала она. — Так давно, что у людей не было письменности. Не было городов. Не было королей. Были только боги. Они жили в своем мире. Мы жили в своем. Между нами были стены. Стены, которые никто не мог пересечь.

Она замолчала. Она смотрела куда-то вдаль. Туда, где не было ничего. Или было все.

— Потом люди нашли путь, — сказала она. — Они нашли способ пройти сквозь стены. Они вошли в мир богов. Они украли у них силу. Они украли огонь. Они украли жизнь. Они украли все, что могли.

— Боги разозлились, — сказал он.

— Боги испугались, — поправила она. — Они испугались, что люди станут сильнее. Что люди займут их место. Что боги умрут. Как умирают все, кто не нужен.

— И они начали войну.

— Они начали войну, — кивнула она. — Они пришли в наш мир. Они сожгли города. Они отравили землю. Они убили миллионы. А те, кто выжил, стали рабами. Или пищей. Или игрушками.

— Люди проиграли, — сказал он.

— Люди проиграли, — согласилась она. — Но не потому, что были слабее. Потому что боги были жестоки. Жестокость всегда сильнее. Она не знает жалости. Не знает сомнений. Она просто убивает.

— А ты? — спросил он. — Как ты стала... этим?

Она посмотрела на свои руки. Руки были белыми, тонкими. Они были красивыми. И страшными.

— Я была воином, — сказала она. — В прошлой жизни. До того, как стала Избранной. Я сражалась с богами. Я убила одного. Маленького. Слабого. Но он был богом. Я убила его, и они заметили меня. Они сказали: «Ты будешь служить нам. Ты будешь стоять у Врат. Ты будешь собирать дань. И ты будешь помнить. Всегда. Кто ты. Что ты сделала. Что ты потеряла».

Она замолчала. В глазах ее была боль. Боль, которую нельзя измерить. Боль, которую нельзя забыть.

— Я стою здесь уже тысячу лет, — сказала она. — Каждые сто лет ко мне приходит девушка. Я забираю ее жизнь. Я забираю ее силу. Я забираю все. И это делает меня сильнее. Но это делает меня и слабее. Потому что каждая жизнь, которую я забираю, — это часть меня. Часть того, кем я была. Часть того, кем я могла стать.

— Ты могла отказаться, — сказал он.

— Отказаться? — Она усмехнулась. Усмешка была горькой. — Если я откажусь, боги придут. Они убьют всех. Не через сто лет. Сейчас. Сегодня. Завтра. Они убьют всех, кого я знала. Всех, кого я любила. Всех, кто остался.

— Ты не знала. Ты стоишь здесь тысячу лет. Все, кого ты знала, давно мертвы.

Она посмотрела на него. В ее глазах была боль. Но не та боль, которую он ожидал. Другая.

— Ты думаешь, я не знаю? — сказала она. — Ты думаешь, я не помню? Я помню все. Каждое лицо. Каждое имя. Каждую смерть. Я помню свою мать. Она плакала, когда меня уводили. Я помню своего отца. Он смотрел на меня, и в его глазах была гордость. Гордость, что его дочь спасет мир. Я помню своего брата. Он был маленьким. Он держал меня за руку и говорил: «Не уходи. Не уходи. Не уходи».

Она замолчала. Она не плакала. Она не могла плакать. Или разучилась.

— Тысячу лет, — сказала она. — Тысячу лет я помню все. Каждую секунду. Каждую боль. Каждую потерю. И каждые сто лет я забираю жизнь девушки, которая так же, как я, шла сюда, думая, что спасает мир. Я забираю ее жизнь. Я забираю ее надежду. Я забираю все. И я становлюсь сильнее. Но я становлюсь и слабее. Потому что каждая жизнь — это камень на моем сердце. Каждая жизнь — это цепь, которая держит меня здесь.

Он смотрел на нее. Он видел ее. Не бога. Не чудовище. Не пленницу. Он видел женщину. Женщину, которая тысячу лет умирала каждый день. Которая делала то, что должна была делать, чтобы выжить. Которая делала то, что должна была делать, чтобы спасти других.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она посмотрела на него. В глазах ее что-то изменилось. Тьма отступила. На мгновение. На долю мгновения.

— Я не помню, — сказала она. — Я забыла. Тысячу лет я пыталась вспомнить. Но не могу. Имя ушло. Как все, что было до.

— Я назову тебя, — сказал он. — Когда придет время.

Она улыбнулась. Улыбка была светлой. Светлее, чем свет за сердцем. Светлее, чем все, что он видел в этом мире.

— Ты думаешь, у нас есть время? — спросила она.

— Время есть всегда, — сказал он. — Это единственное, что у нас есть.

Они сидели на полу. Они сидели в маленькой комнате, рядом с алтарем, на котором лежало сердце. Сердце пульсировало. Свет за ним горел. Боги ждали. Они всегда ждали.

— Я не могу уйти, — сказал он. — Я не могу убить тебя. Я не могу взять сердце. Что я могу?

— Остаться, — сказала она. — Остаться здесь. Со мной. Помочь мне вспомнить. Помочь мне найти путь. Путь, который не ведет к смерти. Который ведет к свободе.

— Я наемник, — сказал он. — Я не умею искать пути. Я умею убивать. Или умирать.

— Может быть, пришло время научиться чему-то новому, выбора у тебя нет, — сказала она.

Он смотрел на нее. Он думал о своих людях. Они ждали у Врат. Они ждали его возвращения. Они ждали, когда он выйдет с Сердцем. Когда он принесет им свободу.

Он думал о девушке. О Лиане. Она была в безопасности. Она жила. Она жила, потому что он занял ее место.

Он думал о старике. О том, кто дал ему ключ. О том, кто сказал: «Тот, Кто Приходит, не чудовище». Старик знал. Знал все. Знал, что он не вернется. Знал, что Сердце нельзя взять. Знал, что единственный путь — это остаться.

Он думал о своей ненависти. О ненависти, которая вела его двадцать лет. Она была здесь. Она была с ним. Но она стала другой. Не слабее. Другой. Она стала шире. Глубже. Она перестала быть ненавистью к одному. Она стала ненавистью ко всем богам. Ко всем, кто сделал этот мир таким. Ко всем, кто запер ее здесь. Ко всем, кто заставил людей продавать своих детей.

— Я останусь, — сказал он.

Она посмотрела на него. В ее глазах была благодарность. Или что-то большее. Что-то, чего он не знал. Что-то, чего он боялся.

— Спасибо, — сказала она.

Он кивнул. Он не знал, что сказать. Он не умел говорить такие слова. Он умел только убивать. Или умирать. Но сейчас он учился чему-то новому. Учился оставаться. Учился ждать. Учился надеяться.

— Что теперь? — спросил он.

— Теперь мы будем ждать, — сказала она. — Ждать, когда появится путь. Ждать, когда боги сделают ошибку. Ждать, когда время придет.

— А если оно не придет?

— Оно придет, — сказала она. — Оно всегда приходит. Вопрос только в том, будем ли мы готовы.

Она встала. Она протянула ему руку. Он взял ее. Рука была холодной. Но не такой холодной, как раньше. Она становилась теплее. Или он привыкал.

Они вышли из комнаты. Дверь закрылась за ними. Сердце осталось внутри. Оно пульсировало. Оно ждало. Оно всегда ждало.

Они шли по коридору. Теперь он видел лучше. Или темнота стала светлее. Он видел стены. Они были черными, но на них были рисунки. Рисунки, которых не было раньше. Или были. Он не заметил.

Рисунки рассказывали историю. Историю войны. Историю богов. Историю людей. Историю ее. Он видел ее лицо на стенах. Молодое, красивое, живое. Он видел, как она сражается. Как она умирает. Как она становится тем, чем стала.

— Это ты, — сказал он.

— Это я, — сказала она. — Стены помнят. Стены помнят все. Они не забывают. В отличие от меня.

Они шли. Коридор вел в зал. В тот же зал, где стоял трон из костей. Но теперь трон был другим. Кости были белыми, но между ними были цветы. Белые цветы. Лилии. Те же, что были на фате.

— Цветы, — сказал он. — Откуда?

— Я, — сказала она. — Я вырастила их. Из костей. Из памяти. Из боли. Цветы — это единственное, что я могу создать. Единственное, что не умирает здесь.

Она подошла к трону. Она сорвала один цветок. Она подошла к нему. Она вложила цветок в его руку.

— Держи, — сказала она. — Это тебе.

Он смотрел на цветок. Он был белым, чистым. Он пах. Пах жизнью. В мире, где не было жизни.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы ты помнил, — сказала она. — Чтобы ты помнил, что здесь есть жизнь. Что здесь есть надежда. Что здесь есть что-то, кроме тьмы.

Он спрятал цветок за пазуху. Цветок был холодным. Но он чувствовал его тепло. Тепло, которое было сильнее тьмы.

Она села на трон. Она посмотрела на него.

— Расскажи мне о мире, — сказала она. — Расскажи, что изменилось. Что осталось. Что люди помнят. Что они забыли.

Он сел на пол. И прислонился к трону. Кости были твердыми, холодными. Но он не обращал внимания. Он смотрел на нее. На ее глаза. На ее лицо. На ее волосы, черные, как тьма.

— Мир стал маленьким, — сказал он. — Люди живут в городах. За стенами. Они боятся выходить. Боятся Пустоши. Боятся Осколков. Боятся всего, что за стенами.

— Как и тогда, — сказала она. — Как и тысячу лет назад.

— Нет, — сказал он. — Тогда была надежда. Была вера, что можно победить. Теперь нет. Теперь только страх. Только Контракт. Только ожидание. Ждут, когда придет Избранная. Ждут, когда Контракт будет выполнен. Ждут, когда можно будет вздохнуть. На сто лет.

— А потом снова ждут, — сказала она.

— Потом снова ждут, — согласился он.

Она замолчала. Она смотрела в темноту. Темнота смотрела в ответ.

— Я хочу увидеть его, — сказала она. — Мир. Солнце. Небо. Траву. Все, что было. Все, что потеряно.

— Ты увидишь, — сказал он. — Когда мы выйдем отсюда.

— Ты думаешь, мы выйдем? — спросила она.

— Я знаю, — сказал он. — Я не умею проигрывать. Я не проиграл ни разу. Не проиграю и сейчас.

Она улыбнулась. Улыбка была светлой. Светлее, чем цветок в его руке. Светлее, чем сердце за стеной.

— Ты странный, — сказала она. — Ты пришел сюда, чтобы убить меня. А теперь говоришь, что выведешь меня отсюда.

— Люди меняются, — сказал он.

— Меняются? — Она усмехнулась. — Я стою здесь тысячу лет. Я не изменилась. Я стала только темнее. Холоднее. Мертвее.

— Ты изменилась, — сказал он. — Ты вырастила цветы.

Она посмотрела на цветы. На троне. На стенах. На полу. Цветы были везде. Белые, хрупкие, живые.

— Да, — сказала она. — Я вырастила цветы.

Они сидели в тишине. Тишина была не громкой. Она была спокойной. Как вода в глубоком озере. Как небо перед рассветом.

Астарион смотрел на нее. Он смотрел на богиню Смерти. На пленницу. На женщину. Он не знал, кто она. Он не знал, что будет дальше. Он знал только, что он здесь. Что он остался. Что он сделал выбор.

Выбор, который изменит все.

Или ничего.

Он не знал.

Он не хотел знать.

Он просто сидел и смотрел на цветы.

И ждал.

Ждал, когда время придет.

Когда боги сделают ошибку.

Когда путь откроется.

Когда они выйдут отсюда.

Вместе.

Он и она.

Наемник и богиня.

Человек и Тьма.

И в этой тьме что-то менялось.

Что-то рождалось.

Что-то, чего не было тысячу лет.

Надежда.

Глава 4. Стены помнят

Они сидели в тишине. Тишина была старой. Она была здесь дольше, чем кости трона. Дольше, чем цветы, которые росли между ними. Астарион смотрел на свои руки. Руки были грубыми, со шрамами, с мозолями от меча. Он думал о том, сколько людей он убил этими руками. Счет был высок. Он не считал. Перестал считать давно. Слишком много.

Она сидела напротив. Она не смотрела на него. Она смотрела на цветы. Белые лилии на черном камне. Жизнь на смерти. Она протянула руку. Пальцы коснулись лепестка. Лепесток вздрогнул. Или ей показалось.

— Когда я была маленькой, — сказала она, не глядя на него, — я любила цветы. У нас был сад. Маленький. За домом. Мать сажала розы. Красные. Она говорила, что красный — цвет жизни. Что пока цветут розы, смерть не придет.

Она замолчала. Пальцы ее гладили лепесток. Лепесток был белым. Белым, как ее руки. Белым, как платье, которое он снял у Врат.

— Она ошиблась, — сказал Астарион.

— Она ошиблась, — согласилась она. — Смерть пришла. Не за мной. За ней. Она умерла, когда мне было десять. Розы засохли. Отец сказал, что земля отравлена. Что боги прокляли нашу землю. Что мы должны уйти. Мы ушли. Я больше никогда не видела красных роз.

Она отняла руку. Цветок остался на месте. Белый на черном. Одинокий.

— А ты? — спросила она. — У тебя был дом?

Он молчал. Он не говорил об этом. Никогда. Ни с кем. Даже с Карсом. Даже с самим собой. Он прятал это в темноте. В той же темноте, что была вокруг.

— Был, — сказал он. Голос его был низким. Тихим. — Дом был. Деревня. Лес. Река. Мы жили далеко от городов. Думали, что боги не найдут нас. Думали, что мы в безопасности.

— Они нашли, — сказала она.

— Они нашли, — кивнул он. — Пришли священники. Сказали, что мы должны платить дань. Что мы должны отдать детей. Самых сильных. Самых здоровых. Для богов. Для их забав. Отец отказался. Он сказал, что мы свободные люди. Что не будем служить богам.

— Что случилось?

— Они сожгли деревню. Всех. Детей. Женщин. Стариков. Они сожгли всех. Я смотрел на огонь. Я смотрел, как горит мой дом. Как горит моя мать. Как горит моя сестра.

Он замолчал. Он сжал кулаки. Ногти впились в ладони. Боль была знакомая. Боль была нужная.

— Я выжил, — сказал он. — Я не знаю, как. Я выжил. Я поклялся, что отомщу. Что убью всех богов. Что сожгу их мир, как они сожгли мой.

— Ты убивал, — сказала она. — Я чувствую. Твои руки. Они помнят. Каждый удар. Каждую смерть.

— Я убивал, — сказал он. — Много. Я убивал священников. Я убивал стражников. Я убивал тех, кто служил богам. Я думал, что это поможет. Что станет легче.

— Стало?

— Нет, — сказал он. — Не стало. Стало только темнее. Холоднее. Я стал как они. Как боги. Я убивал, потому что мог. Потому что умел. Потому что не знал другого.

Она подняла голову. Она смотрела на него. Глаза ее были черными. Глубокими. В них было что-то. Что-то, что он не мог назвать. Не жалость. Не понимание. Что-то другое. Что-то, чего он не знал.

— Ты не как они, — сказала она. — Ты пришел сюда. Ты мог убить меня. Ты не убил. Ты мог взять сердце. Ты не взял. Ты остался. Ты не как они.

— Я не знаю, кто я, — сказал он. — Я потерял себя. Там. В огне. Я стал тем, кем нужно было стать, чтобы выжить. Я стал наемником. Убийцей. Тенью. Я забыл, кем был до.

— Ты помнишь, — сказала она. — Ты помнишь цветы. Ты помнишь дом. Ты помнишь сестру. Ты помнишь. Просто боишься вспоминать.

Он молчал. Она была права. Она была права, и это было больно. Больнее, чем нож. Больнее, чем любая рана.

— Расскажи мне о ней, — сказала она. — О сестре.

Он закрыл глаза. Он видел ее. Маленькую. Светлые волосы. Голубые глаза. Как у Лианы. Как у всех девочек, которых он встречал. Он всегда видел ее в них. Всегда.

— Ее звали Алия, — сказал он. — Ей было семь лет. Она любила смеяться. Она смеялась всегда. Даже когда было страшно. Даже когда шел дождь. Она говорила, что дождь — это слезы неба. Что небо плачет, потому что не может быть с нами. Я не понимал тогда. Я был маленький. Мне было десять.

Он открыл глаза. Он смотрел на цветы. Белые на черном.

— Когда пришли священники, она не плакала, — сказал он. — Она смотрела на огонь. Она смотрела и улыбалась. Она сказала: «Не бойся. Я буду с небом. Я буду с дождем. Я буду с тобой всегда».

— Она была сильной, — сказала она.

— Она была ребенком, — сказал он. — Она была ребенком, которого убили. Которого сожгли. За то, что ее отец не хотел отдавать детей богам. За то, что он хотел свободы.

Он замолчал. Он не плакал. Он не мог плакать. Он разучился. Давно. Там, в огне.

— Я понимаю тебя, — сказала она. — Я понимаю твою ненависть. Я чувствовала то же. Когда меня привели сюда. Когда я поняла, что не выйду. Когда я поняла, что боги сделали меня сторожем. Палачом. Чудовищем.

— Ты не чудовище, — сказал он.

— Я была, — сказала она. — Я была чудовищем. Я забирала жизни девушек. Сто жизней. Сто душ. Я забирала их, и мне было все равно. Я не чувствовала ничего. Только холод. Только тьму. Только пустоту.

— А теперь?

— Теперь я чувствую, — сказала она. — Теперь, когда ты здесь. Теперь, когда я говорю. Теперь, когда я вспоминаю. Я чувствую. Боль. Страх. Надежду. Все, что я забыла. Все, что потеряла.

Она поднялась. Она подошла к стене. Стена была черной. На ней были рисунки. Тонкие линии, которые светились голубым. Она коснулась стены. Линии замерцали.

— Стены помнят, — сказала она. — Стены помнят все. Каждую жизнь. Каждую смерть. Каждую слезу. Хочешь увидеть?

Он подошел к ней. Он встал рядом. Она была маленькой. Ее плечо едва доставало до его груди. Он чувствовал ее запах. Ладан. Сухая земля. Что-то еще. Что-то, что было только у нее.

— Что я увижу? — спросил он.

— Правду, — сказала она. — Правду о войне. О богах. О людях. О том, что было. О том, что будет. Все.

Она взяла его руку. Ее пальцы были холодными. Она прижала его ладонь к стене.

Мир взорвался.

Он стоял в поле. Поле было зеленым. Трава была высокой, до пояса. Ветер шевелил ее, и она волновалась, как море. Небо было голубым. Голубым, как глаза Алиии. Голубым, как глаза Лианы. Солнце было ярким. Оно грело. Он чувствовал тепло. Впервые за много лет. Он чувствовал тепло.

Он смотрел на свои руки. Руки были маленькими. Детскими. Он был мальчиком. Лет десяти. Он стоял в поле, и ветер дул в лицо. Он смеялся. Он смеялся, как не смеялся никогда. С тех пор как сгорел дом.

Перед ним бежала девочка. Светлые волосы. Голубые глаза. Алия. Она смеялась. Она звала его. Она махала рукой.

— Астарион! — кричала она. — Догони!

Он побежал. Ноги были быстрыми. Легкими. Он бежал по траве, и трава щекотала ноги. Он бежал за сестрой. Он почти догнал ее. Он протянул руку.

Мир изменился.

Он стоял в деревне. Деревня горела. Огонь был везде. Он лизал стены, пожирал крыши, пожирал людей. Крики были громкими. Они резали уши. Они резали душу.

Он стоял посреди огня. Он был мальчиком. Он смотрел на свой дом. Дом горел. Из окон вырывалось пламя. Дверь была открыта. В дверях стояла женщина. Она держала на руках девочку. Девочка была маленькой. Светлые волосы. Голубые глаза.

— Астарион, — сказала женщина. — Беги.

— Мама, — сказал он. — Мама, я не уйду.

— Беги, — сказала она. — Беги и живи. Помни. Помни нас. Помни.

Огонь сомкнулся вокруг нее. Он видел ее лицо. Оно не было испуганным. Оно было спокойным. Спокойным, как вода. Спокойным, как смерть.

Он побежал. Он бежал через огонь. Огонь жег кожу. Он чувствовал запах горелого мяса. Своего мяса. Он бежал, пока не упал. Он упал в грязь. Грязь была холодной. Он смотрел на небо. Небо было черным. Черным от дыма. Черным от смерти.

Мир изменился.

Он стоял в храме. Храм был большим. Белым. Колонны уходили вверх, в темноту. Пол был мраморным. Холодным. В центре храма стоял алтарь. На алтаре лежала девушка. Она была в белом платье. Светлые волосы. Голубые глаза. Она была связана. Она не кричала. Она смотрела на потолок. Ждала.

Вокруг алтаря стояли священники. В белых балахонах. Они пели. Они пели на языке, которого он не понимал. Языке богов. Языке смерти.

Один из священников подошел к алтарю. В руке у него был нож. Нож был каменным. Черным. Он поднял нож. Он занес его над девушкой.

Астарион хотел кричать. Хотел броситься вперед. Но он не мог двинуться. Он был тенью. Он был наблюдателем. Он не мог ничего изменить.

Нож опустился.

Мир изменился.

Он стоял на поле боя. Поле было серым. Земля была мертвой. Везде лежали тела. Люди. Боги. Он не мог отличить. Все были одинаковы. Мертвы.

Он был взрослым. На нем были доспехи. Черные. На боку висел меч. Он сжимал в руке кинжал. Тот самый. Который он принес с собой. Который носил на руке.

Он стоял над телом. Тело было большим. Огромным. У него было четыре руки. Лицо было страшным. Глаз не было. Только рот. Рот был открыт. Из него текла черная жидкость.

Он убил его. Он убил бога. Маленького. Слабого. Но бога.

Вокруг него стояли люди. Они смотрели на него. В их глазах была надежда. И страх. Страх, что боги вернуться. Что они отомстят.

Он поднял голову. Небо было черным. На небе были звезды. Но звезды двигались. Они приближались. Они падали. Они были богами. Боги шли на него. Много. Сотни. Тысячи.

Он не убежал. Он стоял. Он поднял меч.

Мир изменился.

Он стоял перед Вратами. Врата были черными. Гладкими. Он был в белом платье. Как Избранная. Он был девушкой. Молодой. Красивой. Светлые волосы. Голубые глаза.

Он был ею. Той, кто стоял здесь тысячу лет. Той, кто стал богиней Смерти.

Он чувствовал ее страх. Ее боль. Ее отчаяние. Он чувствовал, как Врата открываются. Как тьма выходит наружу. Как тьма забирает его. Как тьма становится им.

Он чувствовал, как умирает. Как рождается заново. Как становится чем-то другим. Чем-то, что не было человеком. Чем-то, что не было богом. Чем-то, что было между. Чем-то, что было ничем.

Он стоял в зале. В том же зале, где был трон. Трон был новым. Кости были свежими. Белыми. На них еще была кровь.

Он сидел на троне. Он был ею. Он был богиней Смерти. Он чувствовал холод. Он чувствовал пустоту. Он чувствовал, как внутри него умирает что-то. Что-то, что было человеком. Что-то, что было живым.

Он ждал. Ждал, когда придет первая Избранная. Когда придет девушка, которую он должен убить. Которую должен забрать. Которую должен сделать частью себя.

Она пришла. Маленькая. Худая. Светлые волосы. Голубые глаза. Она смотрела на него. В ее глазах был страх. Но была и надежда. Надежда, что она спасает мир.

Он убил ее. Он взял ее жизнь. Он взял ее душу. Он взял все. Он чувствовал, как она становится частью его. Как ее страх становится его страхом. Как ее боль становится его болью. Как ее надежда умирает внутри него.

Он плакал. Он не мог плакать. Но он плакал. Слезы были черными. Они падали на кости. На костях вырастали цветы. Белые лилии.

Мир изменился.

Астарион стоял в зале. Рядом с ней. Стена была перед ним. Черная, гладкая. Его рука лежала на камне. Рука была холодной. Он отнял ее.

— Ты видел, — сказала она. — Ты видел все.

— Я видел, — сказал он. Голос его был хриплым. Он видел ее жизнь. Ее смерть. Ее боль. Он видел все, что она потеряла. Все, что она забыла. Все, что она помнила.

— Теперь ты знаешь, — сказала она. — Кто я. Что я. Что я сделала. Что я сделала с собой. Что сделали со мной.

— Ты не виновата, — сказал он.

— Я виновата, — сказала она. — Я убила их. Сто девушек. Сто жизней. Я убила их своими руками. Я чувствовала, как они умирают. Я чувствовала их страх. Их боль. Их отчаяние. Я чувствовала все. И я ничего не сделала. Я не остановилась. Я не умерла. Я продолжала. Потому что боялась. Боялась, что если умру, они придут. Боялась, что все умрут. Боялась, что я единственная, кто держит их.

— Ты держишь их, — сказал он. — Ты держишь богов. Ты стоишь здесь тысячу лет. Ты забираешь жизни, чтобы они не пришли. Ты делаешь то, что должна. Не потому, что хочешь. Потому что нет выбора.

— Выбор всегда есть, — сказала она. — Я могла умереть. Я могла отказаться. Я могла открыть Врата и пустить их. Пусть все умрут. Пусть мир сгорит. Пусть боги победят. Но я не смогла. Я не смогла убить всех. Я не смогла убить надежду.

— Ты спасла их, — сказал он. — Ты спасла людей. Сто раз. Ты дала им сто лет мира. Сто лет жизни. Сто лет надежды.

— Ценой ста жизней, — сказала она. — Ценой своей души.

Она отошла от стены. Она прошла к трону. Она села на него. Цветы вокруг нее дрожали. Они чувствовали ее боль. Они росли из ее боли.

— Я не знаю, что делать, — сказала она. — Тысячу лет я ждала. Ждала, когда придет кто-то. Кто-то, кто скажет мне. Кто-то, кто покажет путь. Я думала, что это будет воин. Герой. Пророк. Я не думала, что это будет наемник в женском платье.

Он усмехнулся. Усмешка была сухой. Но в ней было что-то. Что-то, что не было горечью.

— Я не герой, — сказал он. — Я уже говорил. Я убийца. Я наемник. Я пришел украсть.

— Ты пришел, — сказала она. — Это главное. Ты пришел. Ты остался. Ты не убил меня. Ты не взял сердце. Ты сделал выбор. Выбор, который никто не делал до тебя.

— Что мне делать? — спросил он.

— Не знаю, — сказала она. — Я не знаю. Я только знаю, что мы должны быть вместе. Ты и я. Вместе мы можем найти путь. Путь, который не ведет к смерти. Который ведет к свободе.

— Вместе, — повторил он. Слово было странным. Он не использовал его. Он всегда был один. Всегда. С того дня, когда сгорел дом. Он был один. Он шел один. Он убивал один. Он выживал один.

— Вместе, — сказала она. — Ты не один. Я здесь. Я с тобой. Мы вместе.

Он смотрел на нее. Она сидела на троне из костей, в черном платье, с цветами в волосах. Она была богиней Смерти. Она была пленницей. Она была женщиной. Она была всем, что он ненавидел. И всем, что он хотел спасти.

— Что мы будем делать? — спросил он.

— Ждать, — сказала она. — Ждать, когда боги сделают ошибку. Ждать, когда появится путь. Ждать, когда время придет.

— А если не придет?

— Придет, — сказала она. — Оно всегда приходит. Вопрос только в том, будем ли мы готовы. Ты готов ждать?

— Я умею ждать, — сказал он. — Я ждал двадцать лет. Я подожду еще.

— Двадцать лет, — сказала она. — Это мало. Я ждала тысячу.

— Ты сильнее, — сказал он.

— Я слабее, — сказала она. — Я сломалась. Я стала тем, чем стала, потому что не могла ждать. Потому что не могла терпеть. Потому что боль была слишком сильной.

— Ты не сломалась, — сказал он. — Ты выжила. Ты вырастила цветы. Ты помнишь. Ты помнишь все. Ты не забыла. Ты просто спрятала. Как я. Как все, кто выжил.

Она посмотрела на него. В глазах ее что-то изменилось. Тьма отступила. Еще немного. Еще на долю.

— Ты веришь в свободу? — спросила она.

— Я верю в меч, — сказал он. — Я верю в сталь. Я верю в то, что могу убить того, кто стоит на моем пути.

— А если на пути стоит бог?

— Я убью бога, — сказал он. — Я уже убивал.

— Ты убил маленького бога, — сказала она. — Слабого. А здесь их много. И они сильны. Сильнее, чем ты. Сильнее, чем я. Сильнее, чем все люди вместе.

— Тогда я найду другой путь, — сказал он. — Я всегда нахожу путь.

Она улыбнулась. Улыбка была светлой. Светлее, чем цветы. Светлее, чем сердце. Светлее, чем все, что он видел в этом мире.

— Ты странный, — сказала она. — Ты пришел сюда, чтобы украсть сердце. Ты не украл. Ты пришел, чтобы убить меня. Ты не убил. Ты остался. Ты говоришь, что найдешь путь. Ты веришь в то, во что не верит никто.

— Я верю в себя, — сказал он.

Она встала с трона. Она подошла к нему. Она встала перед ним. Близко. Так близко, что он чувствовал ее дыхание. Оно было холодным. Но не таким холодным, как раньше. Оно становилось теплее.

— Покажи мне, — сказала она. — Покажи, кто ты. Покажи, что ты помнишь. Покажи, что ты спрятал.

— Как? — спросил он.

— Стены, — сказала она. — Стены помнят. Стены покажут. Коснись стены. Дай им увидеть. Дай им показать.

Он подошел к стене. Он поднял руку. Он коснулся камня.

Мир изменился.

Он стоял в лесу. Лес был темным. Деревья были высокими. Ветви сплетались над головой, закрывая небо. Было холодно. Он был мальчиком. Он сидел у костра. Костер был маленьким. Он горел еле-еле. Дров было мало. Он сжигал ветки, которые нашел. Ветки были сырыми. Они дымили. Дым ел глаза.

Он был один. Совсем один. Он смотрел на огонь. Он не плакал. Он не мог плакать. Слез не было. Только пустота. Только холод.

Он сидел и смотрел на огонь. Он ждал. Ждал, когда придет кто-то. Или когда умрет. Он не знал. Он просто ждал.

Мир изменился.

Он стоял на дороге. Дорога была грязной. Шел дождь. Он был мальчиком. Он шел по дороге. Босиком. Ноги были синими от холода. Он шел. Он не знал куда. Он просто шел. Шел, пока не упал.

Он упал в грязь. Он лежал лицом вниз. Грязь была холодной. Он не мог встать. Он не хотел вставать. Он хотел умереть. Он хотел быть с ними. С мамой. С Алией. С теми, кто сгорел.

Он закрыл глаза.

Мир изменился.

Он стоял в комнате. Комната была маленькой. В ней была кровать. Стол. Стул. На столе лежал нож. Нож был старым, ржавым. Он стоял у стола. Он был мальчиком. Лет двенадцати. Он смотрел на нож. Он смотрел на свою руку. Он думал. Думал о том, чтобы взять нож. Думал о том, чтобы перерезать вены. Думал о том, чтобы уйти. Уйти туда, где они. Туда, где нет боли. Где нет холода. Где нет пустоты.

Он взял нож. Он приставил его к запястью. Нож был тупым. Он нажал. Кровь потекла. Кровь была теплой. Теплее, чем он. Он смотрел на кровь. Он смотрел, как она течет. Он чувствовал, как жизнь уходит. Как пустота становится полнее.

Кто-то вошел. Старик. С белой бородой. С добрыми глазами. Он выбил нож из руки. Он обнял мальчика. Обнял в первый раз после огня.

— Не надо, — сказал старик. — Не надо. Ты нужен. Ты нужен этому миру.

— Никому я не нужен, — сказал мальчик.

— Ты нужен, — сказал старик. — Ты будешь воином. Ты будешь защищать. Ты будешь бороться. Ты будешь жить.

Мир изменился.

Он стоял в лагере. Лагерь был большим. Вокруг были люди. Мужчины. С оружием. Они смотрели на него. Он был молодым. Лет восемнадцати. Он стоял с мечом в руке. Меч был тяжелым. Он держал его обеими руками.

Напротив него стоял человек. Большой. С рыжей бородой. Он улыбался. В руке у него была секира.

— Ты слаб, — сказал человек. — Ты не воин. Ты мальчишка. Иди домой.

— У меня нет дома, — сказал он.

— Тогда умри, — сказал человек.

Он бросился на него. Секира была быстрой. Он едва увернулся. Секира рассекла воздух рядом с лицом. Он упал. Он упал на спину. Человек стоял над ним. Секира была занесена.

— Проси пощады, — сказал человек.

— Нет, — сказал он.

Секира опустилась.

Мир изменился.

Он стоял над телом. Тело было большим. С рыжей бородой. Секира валялась рядом. Он смотрел на свои руки. Руки были в крови. Он убил его. Он убил первого человека.

Он не чувствовал ничего. Ни страха. Ни жалости. Ни радости. Только пустоту. Ту же пустоту, что была в лесу. Ту же пустоту, что была в комнате с ножом.

Он вытер руки о траву. Он поднял секиру. Он пошел к лагерю. Люди смотрели на него. В их глазах было уважение. И страх.

— Как тебя зовут? — спросил кто-то.

— Астарион, — сказал он. — Астарион Сильверхель.

Мир изменился.

Он стоял в Пустоши. Он был взрослым. На нем были доспехи. Черные. В руке — меч. Меч был метеоритным. Он не тупился. Он убивал.

Вокруг него лежали тела. Осколки. Те, кто остался после войны. Те, кто был когда-то людьми. Те, кто стал чудовищами.

Он стоял посреди Пустоши. Один. Он смотрел на небо. Небо было серым. Звезд не было. Только тьма. Только пустота.

Он поднял меч. Он поднял его к небу. Он поклялся. Он поклялся, что убьет всех богов. Что сожжет их мир. Что освободит людей. Что отомстит.

Он поклялся, что не остановится. Никогда. Даже если умрет.

Мир изменился.

Астарион стоял в зале. Рядом с ней. Стена была перед ним. Его рука лежала на камне. Рука была холодной. Он отнял ее.

— Ты видел, — сказала она. — Ты видел свою жизнь.

— Я видел, — сказал он.

— Ты был один, — сказала она. — Всегда один. Ты искал смерть. Ты хотел умереть. Но ты выжил. Ты выжил, потому что был нужен.

— Я выжил, потому что не умею умирать, — сказал он. — Я пробовал. Не получилось.

Она подошла к нему. Она взяла его руки. Она посмотрела на них. На шрамы. На мозоли. На кровь, которая была под ногтями. Кровь, которая не отмывалась.

— Ты убивал, — сказала она. — Много. Ты убивал, потому что не знал другого. Потому что боль была внутри. Потому что ты хотел, чтобы другие чувствовали то же, что и ты.

— Я убивал, потому что они служили богам, — сказал он. — Потому что они были врагами.

— Они были людьми, — сказала она. — Такими же, как ты. Они боялись. Они хотели жить. Они делали то, что должны были, чтобы выжить.

— Я знаю, — сказал он. — Я знаю, что они не виноваты. Я знаю, что я убивал невинных. Я знаю, что я стал тем, кого ненавижу. Но я не мог остановиться. Не мог. Каждый раз, когда я закрывал глаза, я видел огонь. Видел маму. Видел Алию. Видел их лица. Я слышал их крики. Я не мог остановиться.

— Теперь можешь, — сказала она. — Теперь ты здесь. Теперь ты не один. Теперь ты можешь остановиться.

Он смотрел на нее. Она держала его руки. Ее пальцы были холодными. Но в них было что-то. Что-то, чего не было в его руках. Жизнь. Тепло. Надежда.

— Я не знаю, как, — сказал он.

— Я покажу, — сказала она. — Мы покажем друг другу. Вместе.

Она отпустила его руки. Она отошла. Она подошла к трону. Она сорвала цветок. Белую лилию. Она подошла к нему. Она вложила цветок в его руку.

— Это тебе, — сказала она. — Чтобы ты помнил. Что есть жизнь. Что есть надежда. Что есть что-то, кроме тьмы.

Он смотрел на цветок. Цветок был белым. Чистым. Он пах. Пах жизнью. В мире, где не было жизни.

Он спрятал цветок за пазуху. Рядом с камнем. Камень пульсировал. Красные прожилки светились. Цветок был белым. Белым на красном. Жизнь на смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.